
НЕИЗЛЕЧИМО ВЛЮБЛЕНЫ
Елизавета Найт
БОЛЕЗНЕННЫЙ РАЗВОД
ИСЦЕЛЕНИЕ ЛЮБОВЬЮ

Елизавета Найт

Болезненный развод. Исцеление любовью

https://litres.ru/74812362

Аннотация

- Чего я хочу? Я хочу внимания! — взвизгивает за дверью женщина и громко всхлипывает. - Мне надоело выпрашивать у тебя каждую встречу! И дом твой в этой глуши мне не нужен! И машину я хотела другую! Красненькую, а не это убожество! А теперь наша дочка заболела! Меня бесит эта грязная больница и врач твоя тоже бесит!

Я замираю перед дверью в кабинет мужа - Иванова Олега Федоровича - заведующего поликлиникой, хорошего управленца и примерного семьянина, и не понимаю, о чем идет речь.

Голос мужа за дверью звучит приглушенно, слов не разобрать, но его обрывают женские рыдания и новые крики.

- Ты нормальный? На обход к НАШЕЙ ДОЧЕРИ приходила ОНА! ТВОЯ ЖЕНА! А я должна это проглатывать?!

Дверь распахивается, и передо мной застывают двое: роскошная блондинка с мелькающим в голубых глазах презрением, и МОЙ образцовый муж. А еще кажется, отец их общей дочери. Смотрю на них, и понимаю, что наша жизнь больше никогда не будет прежней...

Книга выходит в рамках литмоба "Неизлечимо влюблены"

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Визуализация	18
Глава 3	20
Визуализация.	24
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	60
Глава 10	64
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	77
Глава 14	82
Глава 15	88
Глава 16	93
Глава 17	97
Глава 18	103
Глава 19	108
Глава 20	113
Глава 21	121

Глава 22 125
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Глава 1

- Ира, я отойду, — заглядываю в соседний кабинет и киваю своей коллеге и по совместительству бывшей одногруппнице. - Мне срочно надо!

- А? — она поднимает от амбулаторной карты рассеянный взгляд. Шутка ли, вместо двадцати маленьких пациентов по норме за приём мы с ней за утро на двоих приняли уже под сотню. И очередь в коридоре не заканчивается.

Осень, слякоть. За первую неделю порог заболеваемости ОРВИ среди детей уже превышен, а что будет дальше?

- Из департамента звонили, они время совещания перенесли, а до Олега дозвониться не могут. И секретарь не берёт, я сама уже звонила. Я отбегу минут на десять, скажу ему. До города ехать почти час, если сейчас не выедет — точно не успеет.

- А? Да, беги, конечно! Справимся!

Конечно, справимся. У нас другого выхода нет.

В нашей ЦРБ, к сожалению, некомплект медперсонала, за что и главврач, и Олег, как заведующий поликлиникой регулярно получают выговоры от Департамента. А где взять новых врачей в городе с населением в восемь тысяч человек?

Все старые и так у нас работают. А молодёжь хочет в город, да побольше. Там деньги и перспективы. Под программу с миллионом мы не попадаем, а работать в глуши за обыч-

ную зарплату желающих немного. О пациентах в этой ситуации, к сожалению, никто не думает.

Закидываю стетоскоп на шею, поправляю на груди расстегнувшийся халат и бегу в сторону перехода, что соединяет здание поликлиники с административным корпусом.

У нас ЦРБ небольшая, все корпуса рядом, из одного в другой можно перейти, не выходя на улицу. Удобно.

Пока бегу, снова и снова пытаюсь дозвониться до мужа.

Сегодня в Департаменте назначено важное совещание, и Олег обязательно должен на нём быть.

Во-первых, как он сам сказал, нужно налаживать связи. А во-вторых, сегодня должны рассматривать его кандидатуру на повышение. Это важный шаг для Олега. Мы долго к этому шли. Даже беременность пока откладывали, хотели добиться стабильности, а уже потом родить ребёнка.

Мне Олег ещё в университете показался целеустремлённым парнем. Тем, кто точно знает, чего хочет от жизни.

Наверное, это и подкупило меня в нём.

Он очень педантичный и собранный. Поэтому то, что я впервые в жизни не могу до него дозвониться, выглядит по меньшей мере странно.

Наконец, добегаю до его приёмной.

Телефон в кабинете разрывается от входящих звонков, но секретаря нет на месте.

Зато на диванчике для посетителей сидит кареглазая девчушка лет пяти в пушистой пижаме и тапочках и усердно

играет во что-то на телефоне.

Кажется, я уже видела её. Да, точно, вчера на обходе, когда дежурила по стационару.

У неё фамилия, как у меня Иванова. Поэтому я и запомнила. А имя у неё какое-то модное. То ли Адель, то ли Стефания, то ли... Глория!

Точно Глория Иванова!

Хотя отработав уже почти десять лет в педиатрии, я научилась не удивляться никаким именам.

Пересекаю приёмную, подхожу к двери в кабинет мужа и только собираюсь её открыть, как ребёнок поднимает на меня воспалённые от болезни глаза и произносит.

- Там мои мама и папа разговаривают, вам туда нельзя.

Бросаю взгляд на дверь, за которой раздаются громкие голоса. Всё ясно, родители пришли ругаться с Олегом из-за качества оказания медицинской помощи ребёнку, а может, хамства медперсонала.

К сожалению, такое бывает.

- А если мне очень надо? — улыбаюсь ей примирительно.

Но она очень серьёзно и с детской царапающей надменностью произносит.

- Папа сказал, что никому нельзя входить!

Интересный у неё папа! Вот так просто распоряжается в чужом кабинете.

Голоса за дверью то стихают, то снова повышаются. Но разобрать можно только отдельные слова и всхлипы.

Как странно, Олег никогда не доводит конфликты до пика, старается сглаживать углы. В этом плане его очень ценят в Департаменте — он разруливает обычно ситуации, не доводя до жалоб.

Из кабинета раздаётся громкий цокот каблуков. Шаги останавливаются прямо у двери.

- Мне это надоело! — с надрывом произносит женщина. - Ты обещал другое!

В ответ раздаётся приглушённый мужской голос то ли её мужа, то ли моего — разобрать невозможно. Наверное, это всё-таки её муж, потому что Олег ей точно ничего обещать не мог.

- Я уже пять лет слушаю эти отговорки! А теперь ты привёз нас с Глорией в эту дыру, чтобы что?

Ответа я опять не слышу. И ситуация становится странной. Чего это родители девочки решили устроить личные разборки в кабинете у заведующего поликлиникой?

- Чего я хочу? Я хочу внимания! — взвизгивает женщина и громко всхлипывает. - Мне надоело выпрашивать у тебя каждую встречу! И дом твой в этих пердях мне не нужен! И машину я хотела другую! Красненькую, а не это убожество! А теперь наша Глоша заболела! Меня бесит эта грязная больница и врач твоя тоже бесит!

Приглушённый мужской голос обрывает её рыдания.

- Ты нормальный? К нам на обход приходила ОНА! А я должна это проглатывать?!

Скандал набирает обороты. А у меня в груди неожиданно просыпается неясная тревога.

Сама не могу отдать себе отчёт, в чём дело. Но слишком странными мне кажутся претензии этой женщины. И почему Олег не осадит её, не выставит эту странную семейку из своего кабинета, чтобы они сначала решили личные дела, а потом уже претензии ЦРБ высказывали?

Думаю, довольно.

Кладу ладонь на ручку двери.

- Нельзя! — девочка спрыгивает с диванчика и хватает меня за полу халата. - А то я папу позову, и он тебя вышвырнет!

В подтверждение своих слов девчушка громко топает ногой и надувает губы.

- Прости, малыш, — я мягко вытягиваю край халата из её детской ладошки и решительно нажимаю на ручку двери. - Но мне очень надо...

Пока дверь ещё не успела широко открыться, в узкой щели мелькает стройный силуэт крашеной блондинки. Тонкая талия, высокая искусственная грудь, подкаченные губы и совершенно точно сделанный нос и подбородок. Точеная куколка, в которой натурального осталось меньше, чем доработанного хирургическим путём.

Она нервно постукивает носком дорогой туфли по ламинату.

- Я всё сказала, Олег! Довольно! Я пять лет терпела! Но

терпеть твою жёнушку рядом с нашим ребёнком я точно не буду! — она практически выплёвывает слова, резко разворачивается и замирает прямо напротив меня.

В кабинете повисает напряжённая тишина. Я слышала её слова и поняла каждое, но ужасный смысл никак не может уложиться в моей голове.

Я открываю рот, пытаясь вдохнуть поглубже, но выгляжу, как выброшенная на берег рыба — глупая и умирающая.

В груди вместо неясной тревоги медленно расползается леденящий душу холод. В ушах раздаётся громкий треск.

Нет, это не звук сметённых блондинкой со стола Олега и падающих на пол папок. Это звук моего разрывающегося сердца.

Треск и острая боль. Отчаянье бьёт по нервам, а голова идёт кругом.

Я всё ещё отчаянно ищу в небольшом кабинете ЕЁ мужа. Но его там нет.

Передо мной застыли двое: роскошная разъярённая блондинка с мелькающим в голубых глазах презрением и торжеством, и Олег Фёдорович Иванов — заведующий поликлиникой, МОЙ образцовый муж и семьянин...

И кажется, отец Глории Ивановой.

***

Дорогие читатели! Рада приветствовать вас в своей но-

винке!

Присоединяйтесь! ставьте лайки, добавляйте книгу в библиотеку и пишите комментарии!

А мы продолжаем!

Глава 2

Я стою парализованная и не знаю, куда прятать глаза.

Ситуация кажется мне неправильной, плохой, наигранной.

Жена застаёт любовницу в кабинете мужа.

Это больше похоже на сюжет дешёвого сериала с федерального канала, чем на ситуацию из жизни.

Вот только это всё происходит со мной наяву.

Я продолжаю сжимать ручку двери и надеяться, что вот прямо сейчас не знаю откуда выскочит ещё один мужчина, тоже Олег — муж этой блондинки. И они всей семьёй пойдут выяснять отношения где-нибудь в другом месте. А мы с МОИМ Олегом будем долго смеяться над нелепостью ситуации и над моими страхами.

МОЙ Олег обнимет меня тепло, поцелует за ушком и выдохнет, какая я глупая, что любит он только меня и никого другого.

Но реальность больно давит на виски.

Прямо передо мной разъярённой фурией замирает молодая женщина. Её светло-золотые волосы уложены в небрежный пучок, тонкое трикотажное платье подчёркивает каждый изгиб тела, её дорогая бижутерия кажется чужеродной и неуместной для этого места. Она всё-таки лежит в педиатрическом отделении с ребёнком, а не выходит на красную

ковровую дорожку. Но хуже всего её взгляд. Она смотрит на меня с какой-то дикой смесью торжествующей усмешки и презрения.

Скинув последнюю папку на пол в оглушающей тишине, она произносит.

- Отлично!

Фыркает и проходит мимо меня.

Я так потрясена, раздавлена и унижена, что не догадываюсь посторониться. Блондинка даже не старается меня обогнуть.

Её плечо жёстко врезается в меня, но она не замедляет шаг.

Просто уходит, оставляя после себя шлейф дорогого, навязчивого парфюма и оглушительную тишину.

Я не могу пошевелиться, пока не слышу, как она зовёт за собой ребёнка и громко хлопает дверью приёмной.

Только тогда я поворачиваю голову и смотрю на мужа.

Олег, как всегда, выглядит идеально. Белоснежный накрахмаленный халат, дорогой металлический магнитный бейджик на груди, из нагрудного кармана торчит кончик брендовой шариковой ручки — удудобство в деталях и статус в каждом штрихе.

Его причёска, гладковыбритый подбородок, туго затянутый галстук — всё кричит о педантичности, строгости и стабильности. Обо всём том, за что мы так привыкли цепляться в нашем бушующем мире.

Вот только всё это фальшь! Хорошо сыгранная роль! Многолетняя ложь!

За фасадом профессионала и надёжного мужчины скрывается «мудак обыкновенный»!

Встречаюсь с мужем взглядом. В его глазах лишь на одно мгновение мелькает паника, которую он тут же гасит сталью. Он медленно отводит взгляд, поджимает сухие губы, кривится и наконец, произносит.

- Что ты здесь делаешь, Наташа? — спрашивает он так, словно ничего не произошло.

Я чувствую, как что-то рвётся внутри меня. Это не вспышка гнева, не минутная ярость, это медленно закипающие злость и обида, приправленные боль от предательства. Я хочу закричать, но горло сжимает спазм.

С трудом сглатываю ставшую вязкой слюну.

- Звонили из Департамента... — шепчу я, стараясь разглядеть в его лице хоть тень вины или сожаления.

Но их нет.

Лицо моего мужа превратилось в маску. Брови сведены на переносице, нос заострился, а губы плотно сжаты. Так он обычно осаживает подчинённых.

Вот и мне он ничего не отвечает на мои слова. Молчит и недовольно хмурится.

- Ясно, — киваю я сама себе. Внутри меня бушуют страсти. Обида, боль, отчаянье смешиваются в дикий коктейль, который вот-вот ударит по мозгам и нервам. И тогда случит-

ся скандал. Летящие на пол папки покажутся Олегу детской забавой. Но я не собираюсь этого допускать. Я не стану перед ним так унижаться — истерика обманутой жены...

Он недостоин!

Резко разворачиваюсь на каблуках и собираюсь выбежать из кабинета мужа.

Но не успеваю сделать ни шага, как Олег ловит меня за руку. Его длинные аристократические пальцы с идеальным маникюром крепко сжимают моё запястье.

- Наташа, — его голос отдаёт напряжением и сталью. - Что происходит?

А я едва могу сдержать рвотные позывы.

Пожимаю плечами и роняю ровно.

- Не знаю, что происходит.

- Зачем ты ворвалась ко мне? — по голосу чувствую, что Олег нервничает, но вместо того, чтобы признаться, он выбирает нападение.

- Я не врывалась, просто вошла в кабинет своего мужа, — пытаюсь вырвать руку из его хватки.

- Когда у меня была скандальная пациентка! — он повышает голос и дёргает меня за руку. - Нам теперь точно не избежать жалобы в Минздрав!

Я моргаю от шока. Он что реально так глупо и топорно пытается вывернуть ситуацию в свою сторону? Или считает меня полной дурой? Или думает, что я ничего не слышала? Не поняла?

- Скандальная пациентка? — моё тело начинает дрожать от злости. Ну Иванов, держись — мало тебе не покажется.

Я медленно наклоняюсь и поднимаю папку у самых ног, прижимаю её к груди, будто это щит.

- Она сказала, что ты ей что-то обещал! Что ты привёз её в наши «пердя»! Купил не тот дом! Не ту машину! Она хотела красненькую! И что её не устраивает, что Я— твоя жена, подходила к ВАШЕЙ дочери! Господи, Иванов!

Меня неожиданно и болезненно осеняет. Да девочка ведь копия Иванова. Тёмные колючие глаза, прямой носик и упрямо сжатые губы. У неё даже уши топорщатся, как у Олега. А я весь вечер после обхода не могла отделаться от мысли, что где-то уже видела эту девочку. Конечно, видела! Я видела каждый день в своей постели её ОТЦА!

- Иванов! У тебя дочь на стороне! ДОЧЬ! И это не грудничок! Ей пять лет! ПЯТЬ лет обмана и лжи! А теперь ты говоришь мне, что я помешала тебе с её матерью выяснять отношения. Ты дебил?

Визуализация

Дорогие мои! Пришло время познакомиться с некоторыми из наших героев

Встречайте!

Наталья Петровна Иванова - врач-педиатр, добрая и открытая

Та самая Джесика - пока еще темная лошадка

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку, ставить лайки и подписываться на меня!

Прочитано: 0%

Болезн
Исцел

Содерж
брань.

В тексте
роман, п
эмоцион
влюблен

187

Глава 3

Олег морщится так, словно съел кислую жопку лимона и запил всё это литром уксуса.

- Наташа, прекрати истерику. Что ты себе напридумывала? Услышала звон и не знаешь, где он! Это просто какая-то… конфликтная пациентка. У неё проблемы с документами, я пытался её успокоить. Всё!

- Конфликтная пациентка? — повторяю за ним эхом.

Делаю шаг в сторону и чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы, но я яростно их сдерживаю.

- Мы недоговорили, — Олег снова встаёт у меня на пути. - Ты ворвалась, всё неправильно поняла, Наташа, а теперь устраиваешь сцены. При этом думаешь, что ты права.

- Я? — у меня даже приличных слов не находится на такой поворот.

И это говорит мой муж, застигнутый на месте «преступления»! Рядом с женщиной, которая кричала, что ей нужно больше его внимания.

Мой Олег, который за все эти пять лет, что у него росла где-то дочь от любовницы, говорил мне, как нам важно встать на ноги, подождать с детьми, устроиться и обрасти связями.

Конечно, зачем ему ещё дети? Ему и этой дамочки и их Глории с головой хватало. Он купил им дом!

У нас маленький районный центр, люди здесь любят жить на земле, копать огороды, сажать всего разного и много, а потом по осени пытаются пристроить свой урожай по друзьям и знакомым.

Вот только я не уверена, что эта, как её, Джесика поселилась в старом покосившемся сарае с туалетом на улице.

И тут память подкидывает мне стёршееся воспоминание. Ничего не значащий эпизод.

Полгода назад, может, чуть больше я случайно увидела, как Олег смотрел на ноутбуке фотографии с небольшими коттеджами.

Я и сама мечтала о таком, поэтому хотела присоединиться. Думала, любимый выбирает дом для нас.

Но Олег повёл себя странно, быстро всё свернул и отговорился тем, что случайно кликнул по рекламе, перешёл, заинтересовался, всё взвесил, но нам пока это не по карману.

Я тогда не стала развивать эту тему. Оказывается, он выбирал дом не для нас, а для них! Скотина!

— Ты ставишь мой авторитет под сомнение, — продолжает муж. - Это служебные дела, личные данные пациентки, очень деликатные. Она в стрессе, она говорит вещи, которые не имеет в виду. Я же сказал тебе и повторю — я её впервые сегодня видел, говорил с ней о лечении ЕЁ дочери и о том, как мы можем ей помочь, чтобы она успокоилась и не устраивала здесь сцен.

Он врёт мне, не моргнув глазом.

Нагло, топорно, уверенно. И я уверена, рассчитывает на успех.

- Замолчи, — срываюсь я и бью его папкой наотмашь. - Перестань мне врать! Скотина! Кобель! Предатель! Какие деликатные данные? Ты о чём? Впервые? А то, что ты дал фамилию её дочери, это как называется? Она же Глория Иванова! А отчество ты тоже ей дал?

Олег делает глубокий вдох и сжимает челюсть. Я знаю этот жест. Так происходит всегда, когда у Олега заканчиваются аргументы, но не заканчивается терпение.

- Наташа, ты сейчас говоришь глупости, — он пытается вырвать папку из моих рук. - У меня совещание в департаменте через два часа. Я не могу здесь стоять и обсуждать твои домыслы.

Олег порывисто поправляет растрепавшиеся после моих ударов волосы, сначала ослабляет галстук, но тут же снова затягивает его.

- Это не домысли, Олег! Это факты. И мне ничего не помешает прямо сейчас зайти в отделение, взять историю болезни девочки и посмотреть на ксерокопию её свидетельства о рождении. Как думаешь, кто там вписан в графу «отец»?

— Ой, делай что хочешь! — не выдерживает он. - В таком состоянии с тобой совершенно невозможно разговаривать. Какая вожжа попала тебе под хвост? Плохо прошло дежурство или что? Ты ведёшь себя как избалованный ребёнок. Я не ожидал от тебя такого, Наташа. Я разочарован.

Он садится за стол, берёт ручку и демонстративно начинает что-то писать на листе, полностью игнорируя меня. Ни извинения, ни объяснения, ничего. Только холодная, дешёвая отговорка.

- Возможно, Олег, я веду себя как ребёнок. Но ты ведёшь себя как мудак. Подумай над этим на досуге,— говорю, а в моём голосе нет ни слёз, ни крика, только холодный металл. Удивительно, как быстро человек из любимого может превратиться в такое дерьмо.

В очередной разворачиваюсь, только на этот раз он не пытается меня остановить.

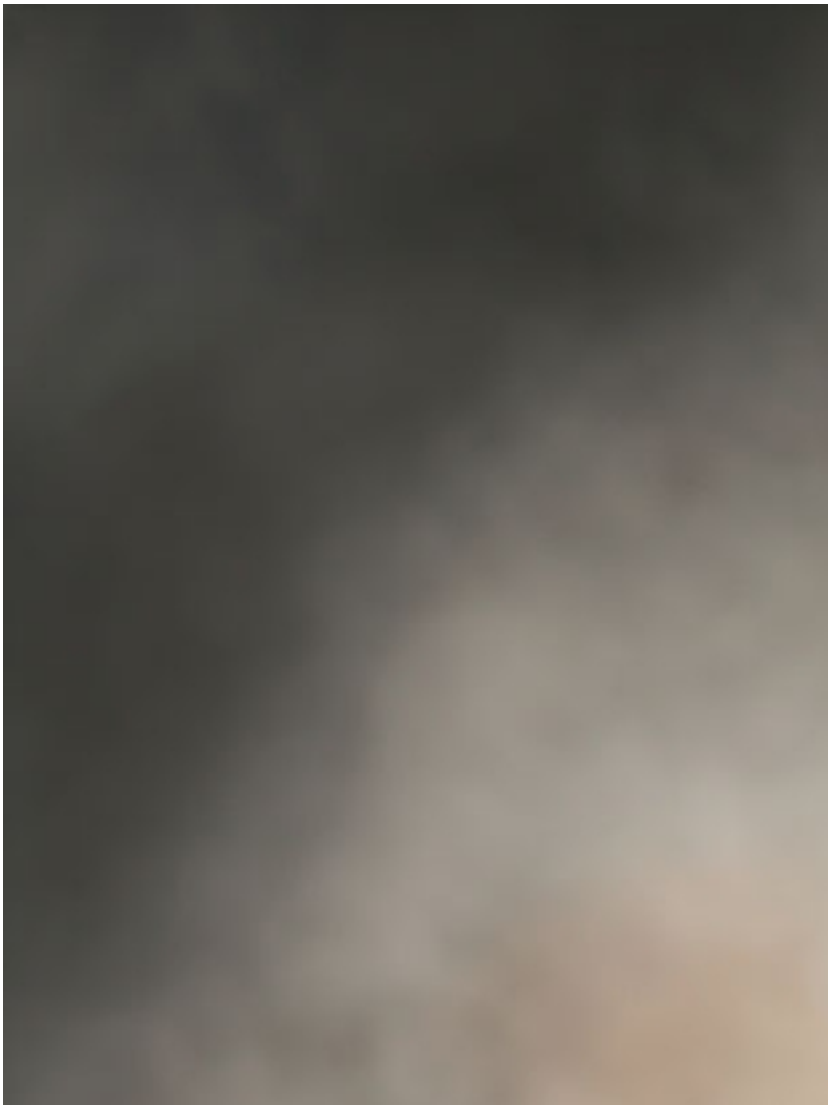
Уже у выхода мне в спину летят его слова.

- Я приду вечером, и мы поговорим. Сейчас мне надо ехать в Департамент.

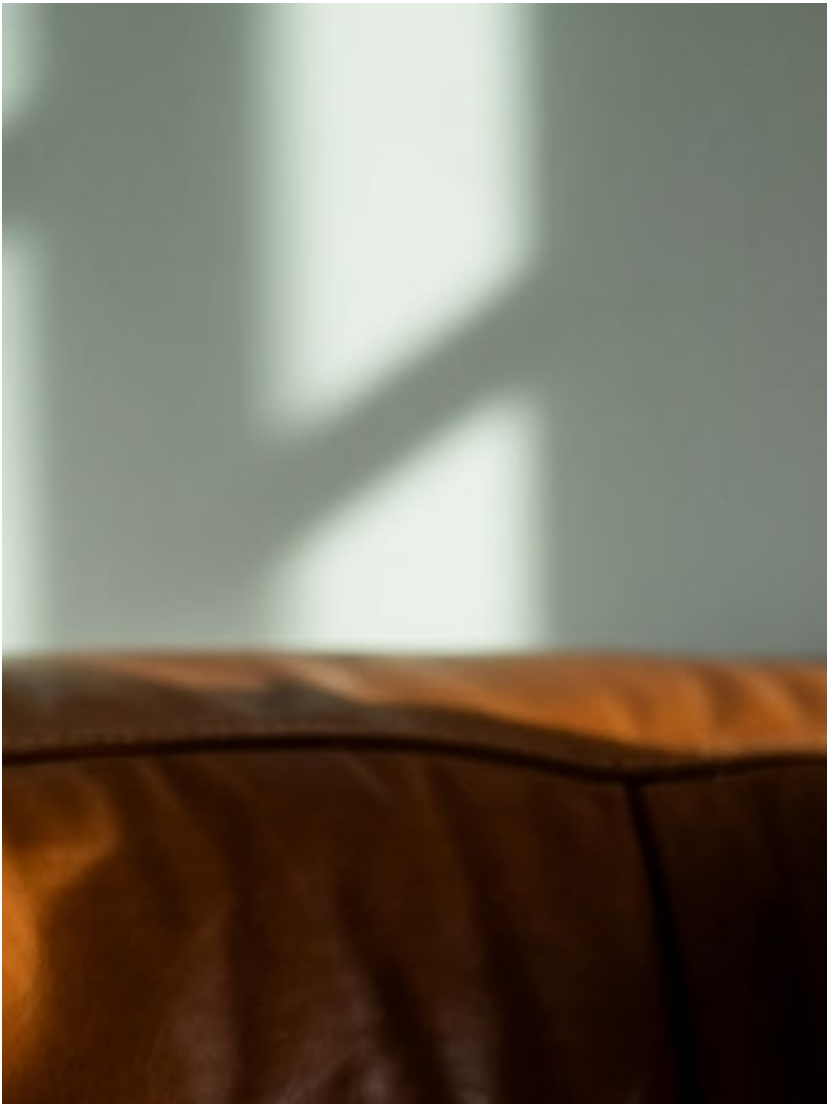
- Не торопись, — цежу не оборачиваясь. - Ты уже опоздал. Пока ты тут разбирался с любовницей, выставив секретаршу, звонили из Департамента. Они перенесли совещание и рассмотрение твоей кандидатуры. Поздравляю, Олег, ты просрал повышение и нашу семью!

Визуализация.

Дорогие мои! Пришло время посмотреть на Олега и его дочку)

Заведующий поликлиникой одной из ЦРБ Иванов Олег Федорович. Молодой и очень амбициозный человек

Его дочь - Глория Иванова
Понравилась история? не забывайте ставить лайк)))

Глава 4

Олег вскакивает с места, опрокидывая массивный офисный стул.

Его лицо медленно вытягивается, глаза начинают бегать, а рука снова тянется к галстуку.

- Повтори. Наташ, — откашливается он.

- А что ты не понял? Что твоё повышение прошло мимо тебя? Или то, что я от тебя ухожу?

- Наташа. Это уже не смешно! — рычит он и достаёт из кармана смартфон. Не глядя смахивает с экрана десяток уведомлений о пропущенных вызовах, лезет в телефонную книгу и набирает кому-то.

Но ему никто не отвечает. Телефон с грохотом летит на стол.

- Если это шутка, то очень неудачная, Наташ!

- Олег, послушай себя! Наша семья рушится! Наша жизнь рушится. А ты опять об одном и том же! Это не шутка. Это бред. Твой бред, Иванов! Счастливо оставаться!

Но выйти я не успеваю, потому что мне в спину летит реплика обиженного мужа.

- Это низко, Наташ. Я от тебя такого не ожидал.

- Что? — меня разворачивает. - Чего ты не ожидал? Что я открою глаза? Что не стану терпеть рядом с собой нагулянного ребёнка и какую-то капризную фифу?

- Ты знала, как для меня был важен сегодняшний день. Это совещание и повышение. Должность зам. главврача по лечебной работе открывала передо мной новые перспективы. Петрович уже немолодой... — это Олег про главврача. Сидоренко Петра Петровича. - Ему через пару лет на пенсию, я мог занять его место. И мы бы...

- Что мы? — не выдерживаю я. - Нет больше нас! Вон, с Джесикой теперь обсуждай своё неудавшееся повышение. А Петрович, может, ещё десять лет просидит в своём кресле. Я бы не рассчитывала на его уход!

От моих слов муж морщится, потирает недовольно руки и снова подхватывает телефон. Снова пытается кому-то дозвониться. Но, судя по всему, совещание идёт полным ходом. Без него. И Олег это прекрасно понимает.

- Почему ты сразу мне не сказала? — его лицо сереет, а телефон снова летит на стол.

- Я? Да я тебе только десять раз звонила, бросила свой приём, бежала сюда, чтобы ты только успел.

- И что же тебя задержало?

- Меня задержала твоя дочь в приёмной и твой скандал с любовницей.

- Опять! — он закатывает глаза.

- Не опять, а снова. И вместо того, чтобы перекидывать на меня ответственность, ты бы мог сейчас признаться. Упасть на колени и честно во всём признаться. Не уверена, что я бы поняла. Но может, сохранила бы к тебе хоть толику уваже-

ния.

- Да в чём признаться? — ревёт Олег, расстёгивая и скидывая на стол халат. - В том, что ты только что уничтожила мою карьеру? Наташ, это не шутки. У тебя, что месячные, Наташ? Ты на людей кидаешься...

Я быстро скручиваю толстую пластиковую папку в трубу и бью мерзавца по лицу. Бью без разбору, куда попало, стараюсь прибить его как мерзкого усатого таракана!

Подонок!

- Ай! Ты что творишь? Наташа!

А я уже не сдерживаю себя.

Уклоняюсь от его рук, выскальзываю из захвата и снова бью. По шее, по лицу, попадаю по уху так, что оно моментально начинает синеть и увеличивается в размерах.

- Наташа! Да прекрати!

- Лучше молчи, Иванов! Просто молчи! Ты должен был вести себя честно со мной! Прийти и рассказать о ребёнке, а не строить из себя образцового мужа и врача, пока покупал своей любовнице дома и не те машины! Учти, я никогда тебя не прощу!

Очередной удар приходится по носу.

- Я подаю на развод и отсужу половину ВСЕГО имущества. Даже того, что ты купил им! Ты понял?

Наконец, я отбрасываю папку в сторону и смотрю на своего пока ещё мужа.

В этот момент я вижу просто слабого, трусливого мужчи-

ну, который не смог в своё время признаться или не захотел. А сейчас пожинает плоды.

- Домой можешь не возвращаться, Иванов. Вещи подберёшь у подъезда. На развод я подам сама. А ты… ты можешь заняться своей карьерой. Или своей дочерью. Или любовницей на крайний случай. В общем, ты теперь свободен. От меня.

***

Дорогие мои!

Для вас "Неотложка для разбитого сердца"
Марта Вебер, Мария Владыкина
https://litnet.com/shrt/bdz8

Глава 5

Я тяжело дышу, зачем-то продолжая стоять посередине этого беспорядка.

Разбросанные по полу папки и белоснежные листы бумаги, исписанные убористым машинным текстом, опрокинутый стул, мятый халат на столе и треснувший смартфон - все это так непохоже на МОЕГО Олега. На того мужчину, которого я когда-то любила.

В его жизни не было места беспорядку и суете. Он ставил себе цели и упорно шёл к ним. Преодолев очередную отметку, он не останавливался на достигнутом, а шёл дальше.

Наверное, это мне в нем и нравилось - стремление к росту, надёжность, уверенность в себе.

Как оказалось, это был только красивый бездушный фасад, создавать который я помогала сама. Десятки дорогих костюмов, отпаренные рубашки, галстуки на каждый день, новые медицинские халаты, дорогие ручки и часы. Ведь стиль - это залог успеха.

Смотрю на растрёпанного, красного от натуги Олега и понимаю, что даже боли от его предательства больше не чувствую. Внутри для этого человека у меня осталось только презрение и чувство брезгливости.

Господи, надо сходить в женскую консультацию и сдать анализы, неизвестно, что Олег мог мне принести от Джеси-

ки.

А вот Олег, похоже, решил до последнего отыгрывать выбранное направление — полный отказ от реальности.

- Наташа, послушай себя! Ты выдумываешь чудовищные вещи на ровном месте! — он хватает со стола какую-то салфетку и начинает тереть ей лоб. — Какая любовница? Ты с ума сошла?! Это был разговор о… неважно! Это был личный разговор пациента с её лечащим врачом! Конфиденциальный. А ты устраиваешь тут истерику! Но хуже того, ты в отместку за выдуманные обиды решила разрушить мою карьеру!

Он нервно сминает салфетку и бросает её прямо на пол и снова пытается до кого-то дозвониться. Его пальцы дрожат так сильно, что он промахивается по сенсорному экрану.

- Я не ожидал такой подлости, Наташа, — голос его дрожит от фальшивого возмущения. — Я работаю, пытаюсь выбить чертово финансирование на обновление материально-технической базы поликлиники, я из Департамента не вылезаю! Я днём и ночью рожаю приказы! А ты… ты приходишь сюда и выливаешь на меня дерьмо! В присутствии пациентов, моего секретаря, моих подчинённых! Если ты решила со мной порвать, так бы и сказала, не надо делать из меня чудовище!

Он бросает на меня обвиняющий взгляд. А я задыхаюсь от возмущения.

Я как будто разговариваю со стеной. И от неё не просто

все отлетает. Эта стена ещё и начинает надвигаться на меня, грозя расплющить!

Это надо же уметь, так все вывернуть в свою пользу!

Это значит, я решила бросить белого и пушистого Иванова? Напоследок разрушив его карьеру? Это он серьёзно?

Я чувствую, как от его слов мне становится физически больно, но это боль заставляет меня выпрямить спину и поднять подбородок.

Я обвожу взглядом разгромленный кабинет, самого взъерошенного Олега, машу рукой на раскрытую дверь за спиной.

- Ты о чем вообще? Перед кем я тебя унизила? Какие пациенты? Какой медперсонал? Какие подчинённые и секретарь? Здесь никого нет! Очнись, Олег, ты бредишь!

В этот самый момент у меня за спиной раздаётся короткое красноречивое покашливание.

Я застываю. Почему-то сердце замирает в груди. Нет, не от страха. Скорее от стыда, что кто-то действительно мог стать свидетелем безобразной сцены.

Медленно разворачиваюсь.

В дверном проёме стоит высокий, статный мужчина с широкими плечами, которые едва помещаются в этом самом проёме. Он одет в идеально сидящую на нем хирургическую пижаму, но без халата.

Почему-то не могу оторвать взгляда от его мощных, сло-

женных на груди рук.

Уж слишком они сильные, явно накаченные, со стальными, перекатывающимися под смуглой кожей мышцами и тёмными волосками.

Всё-таки заставляю себя перевести взгляд на его лицо и зависаю на его глазах.

Никогда я раньше не видела таких ярко-синий глаз у смуглого брюнета.

В ответ меня пронзает его острый, внимательный и, что самое поразительное, заинтересованный взгляд.

С меня мужчина переводит взгляд на хаос вокруг. При этом незнакомец не выглядит смущённым. Наоборот, в уголках его губ играет едва заметная, дразнящая улыбка. От чего я смущаюсь ещё больше.

- Прошу , не обращайте внимания, — его глубокий, уверенный баритон раздаётся в тишине кабинета. - Продолжайте, это очень интересно не только мне, но и всему этажу. Вы там, кажется, что-то говорили про рождение приказов и улучшение материально-технического оснащения поликлиники.

В его словах сквозит такая явная издёвка, что я впадаю в ступор. Мои претензии к Олегу отходят на второй план. Кто это? И что он здесь делает?

Я никогда раньше не видела этого мужчину в нашей ЦРБ. На нового завхоза он явно не похож.

Олег мгновенно подбирается, убирает от распухшего уха

руку, поправляет галстук и оборачивается в поисках халата.

Мне иногда кажется, что в халате он чувствует себя увереннее, чем без него.

-Кто вы такой?! — голос Олега вновь приобретает властные нотки начальника. — Вы не видите, что здесь идёт рабочее совещание и обсуждаются рабочие моменты?! Немедленно покиньте мой кабинет! Не поликлиника, а проходной двор!

Незнакомец не двигается. Он даже не моргает. Его удивительно глубокий пронзительный взгляд скользит по Олегу, который пытается ладонями разгладить на боках складки на мятом белом халате, и снова усмехается.

- Проходной двор? — повторяет он, смакуя каждое слово.

Он делает шаг вперёд, и я инстинктивно отступаю в сторону, открывая ему проход. Он спокоен, и его уверенность поражает.

- Да, похоже на то, — мужчина обводит взглядом беспорядок в кабинете и самого Олега. - Меня зовут Максим Андреевич, и я — новый заместитель главного врача по лечебной работе. И, в связи с отсутствием последнего, буду временно исполнять обязанности самого главврача. Я приехал с утра пораньше, чтобы познакомиться с коллективом и войти в курс дела. А меня, оказывается, никто не ждал,в ЦРБ творится форменный беспорядок, а заведующий поликлиникой выглядит как побитая собака. Вы меня заинтересовали, Олег

Федорович. Очень.

Глава 6

Я понимаю, что оставаться в кабинете «заведующего» мне больше не имеет смысла. Поэтому иду прямо к выходу, не прощаясь.

- Мы еще недоговорили, Наташа! — рявкает мне вслед Олег.

Странно, что в такой ситуации он вообще вспомнил обо мне.

Потому что я очень хорошо знаю, как важно для Иванова было повышение. И появление этого Максима Андреевича для моего почти уже бывшего мужа как серпом по яйцам: крушение надежд и плевок в лицо как организатору и руководителю.

Жалко мне мужа? Нет! Совершенно! Сейчас я вообще о нём ничего адекватного подумать не могу.

Поэтому лишь на секунду застываю в дверном проёме и, не оборачиваясь, цежу.

- Я закончила, Олег... Фёдорович. Ваши претензии сможете высказать в суде.

Осторожно закрываю за собой дверь и выхожу в коридор.

Тут же я натыкаюсь на сидящую перед приёмной секретаря Олега Аллу Анатольевну. Женщина опускает очки и с интересом разглядывает меня. В нескольких метрах санитарочка Сизова уж больно усиленно трёт чистый кафель и ста-

рательно не смотрит в мою сторону.

Всё ясно! — горько усмехаюсь. Все уже в курсе. Интересно, это мы с Олегом так громко обсуждали наш разлад или секретарь уже давно знает о том, что я рогоносец.

Хм, интересно, а как это будет в феминитиве? Рогоноска? Рогоносиха? Олениха?

Плевать.

Я высоко поднимаю голову, отвечая на любопытные взгляды полным игнором, и прохожу мимо них.

С каждым шагом, за каждым поворотом и лестницей нарастает гул сплетен и «жалеющих» меня голосов.

Но я стараюсь не вслушиваться, не смотреть по сторонам и вообще не чувствовать.

На последних метрах до своего кабинета я превращаюсь в машину. Ставлю себе задачу и просто переставляю ноги. Не думать, не страдать, не жалеть себя. Всё это будет потом, вечером, когда я запрусь одна в нашей квартире.

Удивительно, как быстро рассосалась очередь в коридоре. Когда я уходила, на приём сидело ещё около пятнадцати детей. Сейчас же в коридоре осталось трое.

Заглядываю в кабинет к Ире и коротко киваю.

- Я всех досмотрю.

Она, видимо, хочет спросить, успел ли Олег на совещание. Но я не дожидаюсь её ответа. Быстро выскакиваю в коридор и прячусь в своем кабинете.

Наверное, первый раз в своей жизни я веду приём на пол-

ном автомате. Не думать, не жалеть себя, не страдать и не плакать.

Задаю вопросы, записываю жалобы, потом осмотр, направление на анализы и назначение лечения.

Стоит двери закрыться за последним пациентом, как я её запираю на замок. Я совершенно не готова к визиту Олега, Иры или кого-нибудь ещё.

Практически падаю на стул, массирую виски указательными пальцами и смотрю в одну точку.

За что?

Этот вопрос мне не даёт покоя.

За что Олег со мной так?

Чего ему не хватало в нашей жизни?

Мы познакомились в университете. Учились на разных факультетах, но часто пересекались. Общая компания, схожие увлечения и темы, анатомический театр, олимпиады и кружки. Мы вместе готовили доклады, ездили на состязания медицинских вузов по разным направлениям и почти всегда возвращались с призовыми местами.

Вот она золотая молодёжь и золотое время.

Потом были подработки, ночные смены у него и у меня, госэкзамены, аккредитация и диплом, свадьба.

Мы больше десять лет вместе. Плечом к плечу и такое предательство.

Судя по тому, что Джесику я не помню ни в университете, ни в нашей «тусовке», познакомился с ней Олег значительно

позже.

И я даже могла бы поверить в беременность по залёту в пьяном угаре. Если бы не одно «НО». Олег дал девочке свою фамилию, купил им дом поближе и разговаривал с Джесикой как с любовницей, не как с посторонним человеком.

Значит, предательство.

Ну что же! Откидываюсь в кресле.

Значит, стоит перевернуть страницу. Развестись с Олегом, разделить совместное имущество до каждой его ручки и уехать отсюда.

Достаю из принтера белый лист бумаги и собираюсь набросать себе план.

Но успеваю не так много, как вздрагиваю от громкого звонка.

Стационарный телефон разрывается.

- Педиатр Иванова слушает, — произношу, а саму коробит от фамилии «Иванова».

- Наталья Петровна, вас вызывают в кабинет начмеда, — сухим безэмоциональным голосом приказывает мне Алла Анатольевна и тут же скидывает звонок.

Отлично! Я поднимаюсь, поправляю и без того идеально выглаженный халат, подхватываю со стола свою бумагу и выхожу.

Осознание того, что я снова увижу этого странного мужчину, почему-то рассыпает мурашки по моему телу.

Стоит мне вспомнить пристальный ярко-голубой взгляд,

как сердце сначала замирает, а потом срывается с ритма.

Вытираю о халат вспотевшие ладошки.

Странно. Что это со мной?

Наверное, всё дело в том, что он был свидетелем скандала. Да, так и есть! — решаю я.

Но волнение внутри растёт с каждым шагом. Так некстати вспоминаются сильные, мощные руки с жёсткими тёмными волосками. И крупные ладони.

У Олега «руки хирурга» — небольшие ладони, изящные пальцы и ровный маникюр.

В отличие от кабинета моего мужа здесь нет приёмной. На двери только табличка «начмед», оставшаяся с каких-то древних времён.

Стучусь и тут же получаю разрешение войти.

Но в этот самый момент у меня перехватывает дыхание. Но не только от волнения, а ещё и от запаха дорогих приторных духов.

Я сегодня уже слышала их утром. И вчера вечером на дежурстве.

Толкаю дверь в кабинет начмеда и оказываюсь лицом к лицу с Джесикой.

Глава 7

Джесика сверкает глазами с изумрудными линзами и как-то загадочно улыбается своим мыслям.

Что она здесь делает, ума не приложу.

Да меня это, собственно, и не касается.

- Вы заняты? Я подожду, — собираюсь уже закрыть дверь.

- Проходите, Наталья Петровна, — у подоконника, заваленного старыми, местами пожелтевшими документами, стоит новый начмед. - Присаживайтесь.

Мужчина мне кивает на стул посередине кабинета. Ни он, ни Джесика садиться не собираются.

- Спасибо, я постою.

- Наталья Петровна, скажите, вы вчера дежурили по детскому соматическому? — переходит Максим Андреевич сразу к делу.

Мне всё становится понятно. По какой-то причине больше пяти лет терпевшая наличие у Олега жены любовница решила сегодня меня добить. Ну ладно. Мне не впервой разбираться с жалобами как своими, так и чужими. К сожаленью, такая специфика у работы с людьми. Кому-то нравится твой подход к работе. А кого-то раздражает даже твой маникюр. У нас была такая жалоба — мамочке не понравилось, что у врача тёмный цвет лака на ногтях, и она написала жалобы всем, кому смогла. Даже в Роспотребнадзор.

- Да, я.

- Вы помните пациентку Глорию Иванову?

-Да, помню. Девочка с обструктивным бронхитом, была оставлена под наблюдение.

- Вот именно! — вспыхивает Джесика и тычет в мою сторону наманекюренным пальчиком. - У ребёнка обструкция. Она задыхалась весь день! А к нам весь день никто не подходил! А вечером, вечером на обходе, когда я пожаловалась на это врачу, ОНА сказала, что ничего страшного не видит! Мой ребёнок мог умереть!

- Ребёнок числится в состоянии средней степени тяжести по совокупности причин: возможность приступов обструкции, запущенное течение болезни и возраст. На момент вечернего обхода приступ купирован, адекватное лечение назначено лечащим врачом, объективно состояние стабильное, ребёнок активен...

- Я пыталась рассказать этому так называемому врачу, что у Глоши могут быть мигрени! - Джесика не сдаётся. - А она никак не отреагировала на это! Вы представляете, что такое мигрени? Я с детства страдаю ими!

- Если вы с детства страдаете мигренью, то должны знать, что бесконтрольное использование гаджетов является провоцирующим фактором мигрени, — отрезаю я.

Неважно, сколько у меня в отделении маленьких и не очень пациентов. Я всегда на обходе подхожу к каждому и спрашиваю о его делах. Естественно, делаю акцент на тех,

кого лечащий врач оставил под наблюдение. И я ещё вчера поняла, что Глорией Ивановой и её мамой возникнут проблемы. Девочка сидела в планшете и отказывалась его откладывать, чтобы поговорить со мной. Её мама нервничала и требовала не приставать к ребёнку. Когда я настояла и стала слушать девочку, у той и вовсе случилась истерика — стетоскоп холодный, трогать её не надо и вообще верните планшет.

И вот теперь её мама утверждает, что я её не смотрела и вообще игнорировала проблемы ребёнка. Чудесно!

Олег, ты выиграл в лотерею джекпот! На обманщика-мужа даже злится по-настоящему не получается. Кажется, он сам себя наказал. С такой любовницей врагов не надо.

- Видите? Видите, она хамит! — взвизгивает Джесика и бросает на начмеда глубокий преданный взгляд, от которого меня коробит.

Вперемежку с какой-то щенячьей преданностью и влажным блеском в её глазах зажигаются манящие искры. Женщина словно случайно растирает шею и осторожно соскальзывает пальчиками на грудь. Всё это длится один лишь миг. Но выглядит так нелепо и вульгарно.

А зная, что ещё пару часов назад она кричала Олегу, что ей недостаёт его внимания, и вовсе выглядит ужасно!

Внутри меня вспыхивает яростный огонь! И ради вот этого Олег предал семью? Ради женщины с низкой социальной ответственностью, которая несмотря на наличие дочери и

постоянно любовника, всё ещё находится в состоянии поиска?

Во рту начинает горчить от разлившегося по комнате запаха её приторных духов.

Такое чувство, что Максима Андреевича посещают похожие мысли. Потому что он резко оборачивается к окну и открывает створку.

- Пока что я вижу, что хамите вы, — негромко, но довольно жёстко звучат его слова.

- Что? — до этого сиявшее лицо Джесики вытягивается и идёт багровыми пятнами.

- Не вижу причин не верить врачу. С историей болезни тоже всё в порядке...

- Я думала, мы сможем всё решить! — взвизгивает Джесика. - Но теперь я вижу, что мне придётся жаловаться! Самóй добиваться справедливости! Я напишу в Минздрав! Пойду в прокуратуру!

- Ни в коем случае, — отрезает мужчина. - Ни в коем случае не смею вас задерживать. Вперёд!

Он взглядом указывает ей на дверь.

Мне кажется. Я слышу настоящий яростный не то писк, не то визг от женщины.

- Я затаскаю вас по судам!

- Таскайте. Только помните, что вашу дочь вчера смотрело три врача и ещё консультировало три узких специалиста. Всё с прекрасным образованием и соответствующими доку-

ментами. В первый же день ей были проведены все необходимые обследования, на которые по приказу даётся от трёх до пяти дней. Все соответствующие записи есть в вашей истории болезни. И ещё. У нас в коридорах и вип-палатах висят камеры.

- Что? — лицо Джесики становится пунцовым. - Я вас засужу! Я переодевалась в этой палате!!!

- Вы лично требовали вип-палату для вас с дочерью и собственноручно подписали документы, разъясняющие вам режим в стационаре, план обследования и лечения и необходимость видеонаблюдения.

В бессильной злобе она сжимает кулачки, фыркает, вылетает за дверь и хлопает ей за собой с такой силы, что с потолка вот-вот посыпятся плитки.

Я медленно выдыхаю и только сейчас замечаю пристальный изучающий меня взгляд ярко-голубых глаз.

Таких необычных и глубоких, как озеро Байкал. Не меньше.

Я уже, наверное, отвыкла от такого внимания. Потому что сердце вмиг сбивается с ритма, а по коже ползут предательские мурашки. Но я всё-таки пытаюсь взять себя в руки.

- Разрешите идти? — спрашиваю я, но по сути, это риторический вопрос. Инцидент, я считаю, исчерпан.

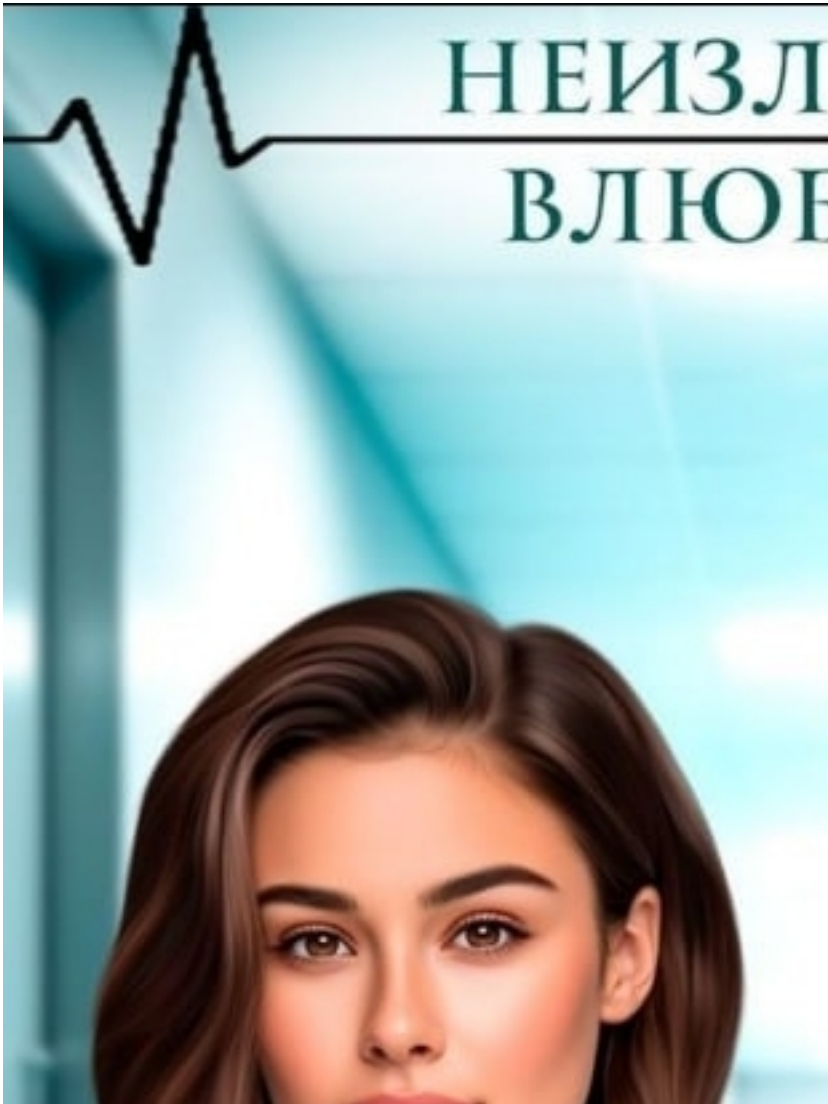
- Задержите, пожалуйста, Наталья... Петровна, — его голос звучит на удивление спокойно. Я бы сказала успокаивающе. Но почему-то наоборот меня волнует. - Это ещё не всё.

***

Дорогие мои! Предлагаю вашему вниманию новинку нашего литмоба

Проблема для Хирурга. Это (не) любовь от Рики Баркли

https://litnet.com/shrt/XAbF

НЕИЗЛ
ВЛЮ

Глава 8

От охватившего меня непонятно откуда взявшегося волнения я до хруста сжимаю исписанный лист бумаги.

Совсем забыла.

Все время, что мы разбирались с Джесикой я держала его в руках.

Пришло время отдать его.

Подхожу к столу начмеда и кладу на заваленную старыми бумагами столешницу свое заявление.

- Что это? - темная бровь Максима Андреевича поднимается вврех.

- Заявление об увольнении, - мне трудно выдерживать его взгляд.

Слишком пронзительный, небесно-голубой, не реальный, а какой-то сказочный.

С одной стороны вся радужка как на ладони. Я могу видеть радиальную мышцу и каждый пучок, но с другой стороны, есть в этом взгляде что-то пугающее, опасное, заставляющее меня выжидающе замереть.

- Даже так? - задумчиво произносит начмед. Подхватывает бумагу и пробегается по ней взглядом. А после откладывает в сторону. - Какой у вас красивый почерк. Неврачебный.

От такого замечания я теряюсь. Не знаю, что сказать.

Да у меня красивый почерк. Годы учебы в университет его

не испортили. И что?

- Я не понимаю...

- И я не понимаю, почему вы, закончившая с отличием один из лучших медицинских ВУЗов страны, оказались здесь? - он обходит большой стол, подхватывает с края папку и раскрывает ее.

Это оказывается мое личное дело. Быстро он добывает информацию.

И меня почему-то это злит.

- Красный диплом, ординатура по детской онкологии, несколько курсов усовершенствования по химиотеапии в детской онкологии, современным методам лечения и диагностики онкологии, и... - он переворачивает ксерокопии моих документов об учебе. - И вот вы здесь. Участковый терапевт в городке с населением меньше десяти тысяч человек. Что случилось?

Почему-то меня злят его слова. Да что он обо мне знает? К чему этот допрос?

- Ничего не случилось, - чеканю я слова.

Я долго шла к своей цели. Выбирала между детской хирургией и онкологией. В итоге я бы все равно работала бы в детском онко. Разница была бы в том, сама бы я оперировала деток или подбирала им терапию.

В какой-то мере на мой выбор повлиял Олег, сказав, что женщине хирургом быть непросто. Я согласилась. Но никогда не жалела о своем выборе.

Три года я успела проработать в Детском окноцентре. Это было трудно и морально, и физически. Работать с тяжело больными детками, многим из которых суждено стать ангелами, не каждому дано.

Но я работала и верила, что нельзя опускать руки даже в самых запущенных случаях. Более того, я не просто подбирала терапию каждому своему маленькому пациенту, я искала по всей стране новые инновационные методы лечения, пускай и экспериментальные. Потому что иногда случается прорыв и новый метод отлично справляется с бластомой или меланомой.

А потом Олегу предложили переехать сюда. Место заведующего поликлиникой, руководящая должность, как трамплин в его карьере.

Он загорелся, а я... Я согласилась. Потому что у мужа были амбиции и планы добраться до хорошей должности Минздраве. Я же хотела лечить, а дети болеют везде.

Да, в ЦРБ нет онко отделения. Но здесь были нужны педиатры. Старые врачи уходили на пенсию, новые отказывались приезжать. В отделении некому было дежурить.

Вот так, я временно отодвинула проблемы детской онкологии в сторону и занялась простыми ОРВИ, прививками по календарю, справками, диспансеризациями и годовыми отчётами.

И я ни о чем не жалею.

Я вела активную научную переписку, публиковала науч-

ные статьи, следила за развитием детской онкологии и когда-нибудь в будущем надеялась в неё вернуться.

- Я стала врачем, чтобы лечить детей. И я их лечу, - гордо вскидываю подбородок. - Или вы другого мнения, Максим Андреевич?

Меня пронзает его стремительно темнеющий взгляд. В голубой радужке словно взрываются черные дыры, превращая прозрачный сияющий взгляд в настоящий опасный космос.

- Нет, отчего же, - от глубины его хриплого баритона внутри что-то начинает дрожать.

Но я держу себя в руках.

Максим Андреевич захлопывает картонную папку и отбрасывает ее на стол за своей спиной. Тут же подхватывает мое заявление и протягивает мне.

- Отклонено! - заявляет он безапелляционно.

- Вы... - я впадаю в ступор, - вы не можете мне отказать! Я имею право уволится по собственному желанию.

- Имеете, - согласно кивает он, - только если это не противоречит служебной необходимости и вашим принципам. А это противоречит и первому, и второму.

Мне кажется, что его губы слегка изгибаются в лукавой усмешке. Но стоит мне моргнуть, как даже намёк на это исчезает.

- Что вы знаете о моих принципах? - взрываюсь я.

- Не так много, - согласно кивает он, - но этого оказалось достаточно, чтобы понять, что вы бежите не от работы, а от

личных проблем. Решили притвориться страусом и спрятать голову в песок? А как же болеющие дети? Как же ваш участок? Вы только навели порядок в картотеке, я проверял. Довели до совершенства диспансерные группы, охватили прививками почти девяносто процентов своего участка - небывалый показатель в наш век самоотводов от прививок. И все это вы хотите бросить? Из-за кого?

- Мне кажется. Это не ваше дело, - чеканю я зло. - Моя личная жизнь вас не касается.

- Касается, - рычит он и неожиданно быстро приближается ко мне, - когда это касается отлаженной работы, меня касается личная жизнь каждого врача, медсестры и санитарки. Вы с лёгкостью решаете как текущие, так и организаторские вопросы поликлиники зачастую без вмешательства ее заведующего! В коллективе вас ценят и уважают. Вы в одно лицо тянете участок, после того, как ваша медсестра сломала ногу. Вы не жалуетесь, не скандалите, не требуете посадить кого-то на ее место. Вы просто работаете!

Его голос с каждой минутой становится все злее и громче. Он вроде как хвалит меня, но звучит все это как угроза. Или как обвинительный приговор. Или как... я не знаю.

Но мне совсем не нравится, куда идет этот разговор.

Он меня совсем не знает. Не может знать!

- А теперь вы собираетесь уйти и бросить все. Это не в вашем характере, так подставить людей!

- Вы ничего обо мне не знаете! - не выдерживаю я.

Он просто давит на меня. Даже если он слышал обрывки нашего с Олегом скандала, он должен был понять, что работать с бывшим мужем и под его началом я просто не могу. Я не хочу жить в городе, где все меня прекрасно знают.

Это я могу кого-то не знать. Людей довольно много. Есть пенсионеры и бабушки-старушки. Но педиатра знают все. В ЦРБ нас не так много.

Я не хочу постоянно натыкаться на желающие или сочувствующие взгляды. Не хочу слышать лживые или правдивые сожаления. Не хочу сплетен и косых взглядов. Не хочу знать ничего об Олеге и его новой старой семье! Увольте!

- Я знаю, таких как вы, мне этого довольно. Целеустремлённая женщина, которая не идёт по головам, но так погружена в работу, что на голову ей часто садятся другие. Болеет за работу и готова задерживаться допоздна лишь бы довести головой отчет до идеала. Собрана, профессиональна, внимательна к деталям...

- Мне кажется, вы сейчас пытаетесь манипулировать мной, - хмурюсь.

- Отнюдь, - Максим Андреевич неожиданно улыбается. При этом его лицо из сурового превращается в удивительно открытое. Я даже на секунду любуюсь мимолётно смягчающимися линиями его лица. - Я просто не хочу, чтобы вы принимали поспешные решения.

- Это решение не поспешное.

- Взвешенным и обдуманным оно не выглядит, - улыбка

быстро исчезает с его губ.

- Имею право.

- Скажите, а ваше увольнение как-то связано с тем, что заведующий поликлинникой ваш... - он делает короткую паузу, подбирая верные слова, - ваш однофамилиц?

Я вспыхиваю, но стараюсь сдержать себя в руках. Конечно, этот мужчина уже все знает.

Так даже лучше. Надеюсь, его удовлетворит мой ответ.

- Возможно, - сжимаю кулачки до хруста и снова протягиваю ему свое заявление.

Максим Андреевич забирает заявление из моих рук.

Вот только вместо его подписи я получаю гору мелко разорванных бумажек.

- Что вы себе позволяете? - я отправляю их в воздух, и белые кусочки кружатся вокруг нас как конфетти.

- Я предлагаю вам... - по его губам в очередной раз скользит загадочная усмешка, - перейти в стационар. На полную ставку.

- А поликлиника?

- Поликлиника? Никуда не денется. Останется стоять. Вот только уже без вас. За годовые отчеты не переживайте - в поликлинике «толковый» руководитель, как-нибудь справится без вас, - он произносит это спокойным тоном, но сарказм так и струится из каждого слова.

Кажется, разговор с Олегом не задался.

- Что скажите? - Маским Андреевич оказывается непозво-

лительно близко. Его аура сильного, уверенного в себе мужчины сбивает меня с мысли. А терпкий мускусный аромат духов заставляет вдыхать его снова и снова. Интересно, что это за духи?

О, Боже, Наташа, о чем ты думаешь? Опомнись!

Только опомниться не получается. Весь день несётся кувырком и не дает мне шанса сохранить рассудок.

Что я потеряю, если соглашусь?

Уважение к себе? Вряд ли.

Я остаюсь не из-за Олега. И не буду унижаться до «спасения семьи», которая ему не нужна.

К тому же мне не придётся прямо сейчас обсуждать с родителями и родственниками причины развода.

Я смогу немного оправиться от шока и говорить обо всем спокойно.

Останусь жить в квартире, подам спокойно на развод и мне не придётся кататься за триста километров на каждое заседание суда.

В том, что развод не будет легким, я почему-то уверена.

А что потом?

Смогу ли я так быстро вернуться в онкологию? Есть ли там места? Где я буду жить? С родителями? Нет, это невозможно!

Снимать? Пытаться что-то купить?

А здесь останутся детки, которые в сезон простуд часто болеют с осложнениями.

Наверное, я здесь нужна...

- Так что вы решили? - Максим Андреевич складывает руки на груди, от такого простого жеста под смуглой кожей бугрятся мышцы, рукава хирургической пижамы жалобно трещат.

- Отойдите от моей жены! - в тесное пространство между нами врывается нервный выкрик Иванова. - Наташа, за мной! Нам надо поговорить!

***

Обещанная внеочередная прода

Глава 9

- Я жду, Наташ, — этот наглец позволяет себе постукивать носком ботинка, подгоняя меня как шавку.

Где он этому научился?

Тёмные брови Максима Андреевича ползут вверх. Я бы сказала не столько удивлённо, сколько иронично.

Он переводит тёмно-синий взгляд с застывшего в дверях Олега на меня, а потом обратно.

- Закройте дверь с той стороны, — произносит он, наконец. Его голос звучит спокойно, собранно, но удивительно твёрдо.

А я... я просто растекаюсь как кисель от всего, что на меня навалилось. Я думала, что Олегу хватит такта не лезть ко мне сегодня. Дать мне время всё обдумать хотя бы до вечера.

Я была уверена, что после того, как он решит дела в больнице, возможно, смотается в город до Департамента, он заявится домой. Но так!

Я совсем не ожидала от него такого откровенно наглого, неуважительного и низкого поведения.

«Наташа, к ноге!» — вот как это звучит.

И сейчас, несмотря на то, что Максим Андреевич вызывает у меня смешанный чувства, я очень благодарна ему.

- Я пришёл за Натальей Петровной, — с вызовом заявляет мой муж. - И без неё я не уйду.

- Вы ворвались в мой кабинет, — недобро усмехается начмед. - Только я здесь решаю, кто и когда из него выйдет. Закройте дверь, если не хотите, чтобы Я её ЗАКРЫЛ ЗА ВАМИ.

Лицо Иванова идёт багровыми пятнами, крылья носа нервно подрагивают, губы сжимаются в тонкую линию, а желваки ходят ходуном под гладковыбритой кожей.

Такое унижение и пренебрежение Олегу трудно стерпеть. Он всегда был на хорошем счету, потому что всегда много работал. К чему лукавить, кроме трудовых навыков у Олега хорошо прокачен и "язык". В смысле он всегда находил подход к любому руководству. За спиной его часто называли подхалимом. Я бы не сказала, что это именно так. Но он определённо умел быть полезным. Где-то угостит дорогим коньячком, где-то захватит документы до Департамента, даже если ему туда не надо, накроет для проверки хороший стол. Его действительно ценили.

И, наверное, впервые Олег столкнулся с тем, что кто-то видит совершенно другую его сторону.

Мне даже становится в какой-то мере жаль Олега. Его продвижение по работе всегда было завязано на имидже важного и незаменимого человека. А тут...

- Максим Андреевич, простите, — в кабинет практически залетает запыхавшаяся Алла Анатольевна — секретарь.

- Я вас не вызывал! Что за проходной двор?! - взрывается Олег.

- Что случилось? — не обращая на него внимания, спрашивает начмед.

- Там в отделении детской соматики ребёнку плохо. Просили Наталью Петровну...

- Простите, — я, не раздумывая ни секунды, хватаю со стола стетоскоп и пульсоксиметр и бегу на выход. Если ребёнку плохо, мне не нужно разрешение начальства покинуть его кабинет.

- Наташа... - Олег умудряется перехватить меня у входа. Его ладонь до боли впивается в мою руку. И сжимает всё крепче.

- Отстань! — я дёргаю рукой так сильно, что не просто вырываю её из цепкого захвата мужа, но и заезжаю ладонью ему по щеке.

Олег обиженно шипит.

Плевать! Мне больше нет до него никакого дела.

Не глядя ни на кого, я бегу по коридору. Детская соматика этажом ниже. Я долетаю до неё всего за пару минут.

У одной из палат целое столпотворение. Ещё не знаю, у которой точно, но нехорошее предчувствие царапает мне грудь.

Едва стоит оформиться мысли, кого именно я там встречу, как неясный гул обрывает визгливый крик Джесики.

- Да сделайте уже что-нибудь! Мой ребёнок умирает! Глория-я-я!

***

Дорогие мои! Сегодня для вас

"Профессия: лечить. Диагноз: ненавидеть / любить" от Даны Денисовой

https://litnet.com/shrt/bc3G

Глава 10

- Где врач? Где все? — не замолкая визжит женщина. - Я вас засужу! Всех тут засужу!

Я подбегаю к палате, практически отталкиваю со своего пути любопытных мамочек и младший медперсонал.

- Всем по палатам! — командую я и сажусь на колени перед лежащим на полу ребёнком.

Конечно, это Глория Иванова — внебрачная дочь Олега.

- Почему ребёнок на полу? — спрашиваю дежурную медсестру, но та не может мне ничего ответить.

Девочка лежит в неестественной позе и поверхностно шумно дышит, посвистывает.

Я вставляю в уши стетоскоп, задираю цветную пижамку и слушаю дыхание малышки.

Так и есть дыхание ослабленное, с удлинённым выдохом.

У неё приступ обструкции.

- Надо посадить ребёнка на кровать, — командую палатной медсестре. — помогите мне!

Мы вдвоём поднимаем Глорию с холодного пола. Усаживаем на кровать, подпихиваем под спину подушки и удерживаем в таком положении.

- Бронхолитики, быстрее. Где ингалятор?

- Он не помог, — отчитывается медсестра.

- Значит, надо увеличить дозу... — сама выхватываю из

её рук металлический флакончик с ингалятором, натягиваю на него специальную насадку, координирующую поступление лекарства и вдох ребёнка.

Потому что в том состоянии, что сейчас Глория, она сама точно правильно не вдохнёт.

- Преднизолон три кубика в мышцу, быстро! И звони реаниматологам, пусть спускаются сюда!

Медсестра срывается с места и убегает в процедурку.

А я остаюсь придерживать малышку и удерживать у её лица маску насадки для лекарства.

Что же случилось? Разглядываю бледное личико ребёнка с прилипшими ко лбу волосиками.

Она же была стабильной ещё утром. Что могло стать причиной?

Оглядываюсь в поисках хоть какой-нибудь зацепки и вижу не полностью закрытое окно и серый пепел на подоконнике.

Мерзавка! Курила в палате. В окно! И этим вызвала приступ удушья у собственного ребёнка! Да её прибить мало!

Рядом уже стоит медсестра и прямо в плечо делает укол хнычущему ребёнку.

Глория дёргается, пытается вырваться, но сил у неё не хватает.

- Потерпи, — глажу её по волосам. - Так надо, сейчас тебе полегчает.

Поднимаю голову в поисках её матери и вижу, что всё это время, что мы поднимали и спасали её дочь, Джесика сни-

мала нас на телефон.

- Что вы делаете? — чеканю строго.

- Не видите? — отвечает она с вызовом. - Получаю доказательства вашего непрофессионализма. Это будет доказательством в суде! Вы плохо лечите мою дочь! Я буду жаловаться! Я подам в суд! Я всех вас засужу! Вас лишат диплома!

Она уже не разговаривает, она просто визжит. Истеричные нотки в её голосе больно бьют по нервам. Только её выходок мне тут не хватало.

Следом напуганная её поведением, начинает хныкать Глория и ей опять становится хуже.

Девочка подаётся вперёд, упирается крохотными ладошками в край кровати и пытается выдохнуть через силу.

У входа я замечаю *его*.

- Олег, — чеканю жёстко, — уведи свою припадочную, иначе я ни за что не отвечаю.

- Овца! — визжит Джесика. - Да я тебя!

Она бросается ко мне, чтобы вцепиться мне в волосы.

Но не успевает добежать.

Её перехватывает не Олег, а Максим Андреевич.

Он ловко скручивает мадам, как будто всю жизнь этим занимался и вручает её Олегу.

- Чтобы её духу тут не было, пока я не разрешу, — чеканит начмед жёстко.

Побелевший Олег кивает и пытается увести мать своего ребёнка.

В палате воцаряется тишина, прерываемая лишь хрипом ребёнка.

Но с каждой секундой Глории становится легче дышать — помогают гормоны и ингаляционные бронхолитики.

Ещё через пару минут появляются анестизиолог с медсестрой. Они оценивают состояние ребёнка, дают ей подышать кислородом и забирают к себе в отделение под наблюдение до вечера.

- Ну что вы решили? — кладёт мне на плечо ладонь Максим Андреевич.

- Я перейду в отделение, если мы переведём Глорию Иванову в Областную больницу. Иначе я пас.

***

Дорогие мои! Приглашаю вас в легкую и юмористическую новинку Ланы Гриц

“Пилюля для наглого доктора”

https://litnet.com/shrt/tU4B

Глава 11

- Где лечащий врач ребёнка? - Максим Андреевич сводит брови на переносице и поворачивается к палатной медсестре. - Почему её не было на месте, когда пациентке стало плохо?

Я знаю, что Глорию Иванову лечит Галина Константиновна, педиатр со стажем, уже глубокая пенсионерка, но очень преданная своему делу. Я тоже удивлена, что не она первая оказалась возле ребёнка.

- Ой! — всплёскивает руками медсестра и сбивчиво начинает рассказывать, что Галине Константиновне стало плохо ближе к обеду. Ей померили давление, и оно оказалось сто восемьдесят и сто, из терапии вызвали врача, и он увёл Галину Константиновну с собой, потом позвонил и сказал, что педиатр остаётся в отделении с гипертоническим кризом.

Да уж! Как всё не вовремя! Но болезнь вообще не выбирает, когда и кого посетить.

- А Инга Максимовна? — спрашиваю я хмурясь.

В педиатрическом отделении у нас пятьдесят коек на двух врачей. Это много, но работать некому. Галина Константиновна кроме врачебных ещё выполняет обязанности заведующей отделением. Второй врач у нас немного странная как человек. Хотя как к врачу к ней нет претензий. Просто она выполняет свою работу скорее механически. Пришла, отра-

ботала и ушла. Никогда не задержится, не скажет лишнего слова родителям, истории и отчёты может не сдавать месяцами, потому что в отделении и так много работы, а домой она их не носит принципиально.

Возможно, это правильный подход.

Я не знаю, я так не умею. Меня Олег всегда ругал за кипы журналов, амбулаторных карт и историй болезней, что я таскала дописывать домой. Что говорить? Я за него годовой отчёт по поликлинике делала дома!

- Не знаю, я её не нашла! — выпаливает медсестра. А я мысленно даю себе и ей подзатыльник.

Вот и спалили Ингу Максимовну перед начальством. Молодцы!

- Я разберусь, — цедит Максим Андреевич. - А вы, Наталья Петровна, подготовьте, пожалуйста, выписку на Глорию Иванову, я организую перевод сегодня. Поздравляю вас с переходом и новой должностью. С этого дня вы ещё и заведуете педиатрией.

- Я? Подождите...

Но, конечно, он не ждёт. Широким шагом начмед пересекает коридор, у самой лестницы его останавливает Олег. Вид у моего недомужа воинственный, поэтому сейчас точно не время бежать и разбираться с начмедом.

Надо решать вопросы по мере их поступления. Сначала перевод новой семьи моего бывшего мужа в Областную больницу. А потом...

- Простите, — моё внимание привлекает Джесика.

Молодая женщина стоит прямо передо мной, сложив руки на груди, и смотрит с презрением.

- Да, вы что-то хотели? — у меня совершенно нет желания с ней разговаривать. Но как врач я не могу игнорировать мать пациента. Тем более рядом нет других «желающих» с ней поговорить.

- Где моя дочь? — шипит она. - Что вы с ней сделали? Если вы...

- Послушайте, — я устало растираю переносицу. - Ваша дочь в реанимации под наблюдением. Сейчас мы готовим документы для её перевода в Областную больницу...

- Что? — неожиданно вспыхивает она. Глаза с цветными линзами округляются, меня ошпаривает какой-то безумной смесью её эмоций: раздражения, ярость, злость.

В одну секунду женщина словно вытягивается, старается стать выше меня, делает шаг навстречу и упирает руки в бока.

- Решила избавиться от нас? С глаз долой? После того, что сделала? Думаешь, я не смогу доказать, что твоё лечение привели к ухудшению моего ребёнка?

- Ваше! — резко поправляю её.

Да кто она такая? Подстилка моего мужа! Пусть с Олегом так разговаривает, а я не позволю смешивать себя с грязью.

- А? — икает эта Джесика.

- Мы с вами на «ты» не переходили, — выдыхаю я, и,

прежде чем она успеет возразить, добавляю, — то, что вы скакали на члене моего мужа, не делает нас подругами или семьёй.

Её глаза ползут на лоб, подкаченные губы беззвучно шевелятся, не в силах выдавить ни звука.

- А к ухудшению у Глории привело ваше курение. В следующий раз потрудитесь делать это в строго отведённых местах!

- Сучка, — шипит Джесика так тихо, что могу слышать её только я. - Ты думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Думаешь, отправить нас подальше и вернуть Олега, да? Но я не уеду! Олег нас привёз сюда! Как свою семью! И мы останемся с ним рядом. Здесь! Хочешь нас лечить? Лечи, но я буду зорко за тобой следить. И на каждый твой промах жаловаться в минздрав. А сейчас неси бумажку, я напишу отказ от перевода в Областную.

Внутри меня вспыхивает гнев. Да кто она такая, эта Джесика? Выскочка с широко раздвинутыми ногами!

- Как хотите, — я стараюсь равнодушно пожать плечами, подмечая огонь превосходства в глазах подстилки мужа. - Но я должна вас предупредить, что как только вы подпишете отказ от перевода, я вызову инспектора ПДН и напишу заявление о том, что вы намеренно вредите своему ребёнку. И запись с вашим курением у открытого окна приложу, и бумажку об отказе от специализированного лечения в профильной больнице тоже.

- Ты! Ты! - Джесика хлопает своими пухлыми губами, как рыбёшка.

- Да, я! — киваю ей. - И знаете что? Мне не нужен больше Олег. Я не подбираю за всякой швалью. Нравится мой муж, забирай, дарю. Вот только с домом и машиной вам придётся попрощаться. Потому что я не просто подаю на развод, я отсужу у Олега ровно половину от всего имущества. Даже того, что за семейный счёт он оформил на ваше имя! Надеюсь, вы не успели обжиться. Иначе вам будет очень грустно расставаться с занавесочками и новым сервизом! Потому что сервиз я тоже отсужу!

***

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новую историю от Саши Девятовой

«Роковое дежурство. Мазай и Зайцева»

https://litnet.com/shrt/Hd7a

Глава 12

Нет, я не мелочная, но я очень злая! Ненавижу!

Ненавижу мужа, который своим многолетним враньём перечеркнул всё хорошее, что между нами было. Меня от него воротит!

Да как он мог? Неужели за пять лет не нашлось ни одной минутки, когда он мог бы мне всё рассказать?

Господи, у меня в голове не укладывается.

Изменил, родили, записал на себя дочку, купил им дом и привёз сюда! А я? Он думал, что я полная дура и ничего не узнаю?

Он же положил свою дочь в отделение, где я дежурю каждый понедельник и четверг!

Или он собирался привести их к нам домой и представить «любовница и дочка»? И после этого мы должны были зажить счастливо вчетвером?

Так, что ли?

Какой был смысл? Хоть какая-то логика должна быть в его поступках! Я знаю Олега, он вроде неполный дурак! Или мне так только хотелось думать?

Я выдыхаю, резко разворачиваюсь на каблуках и иду к ординаторской.

Я больше не обращаю внимания на Джесику. Сейчас она для меня на уровне назойливого комара: что-то пищит, но

можно и отмахнуться.

Поэтому я дохожу до ординаторской и запираюсь изнутри.

Ладони подрагивают, а на глазах предательски выступают слёзы.

Но я не позволяю себе скатиться в истерику. Они этого не стоят. Никто из них этого не стоит!

Сажусь за рабочий компьютер и быстро готовлю все необходимые документы для перевода. Набираю направление и выписку, распечатываю, подписываю и передаю медсестре.

Довольно!

Сегодня мой рабочий день закончен! Для перевода Глории я уже не нужна.

Её и без меня погрузят в реанимобиль.

Поэтому проскальзываю в свой кабинет в поликлинике, переодеваюсь и перебежками, как преступница сбегаю с работы.

Открываю своим ключом дверь и прислушиваюсь. В квартире тишина.

На коврике у входа нет ботинок Олега, на вешалке не висит его пальто.

Можно выдохнуть.

Запираю дверь на ночную задвижку и медленно стекаю на пол.

Истерика подкатывает к самому горлу. Измена, ложь, предательство, эта мерзкая Джесика и крохотная Глория, дом, машина, предстоящий развод, скандал и делёж имущества.

В груди начинает болезненно тянуть.

Мне нужно... нужно...

Я поднимаюсь и бегу на кухню, по пути переворачивая все наши совместные фото с Олегом стеклом вниз. Ненавижу! Видеть его довольную рожу не могу.

Захожу на кухню, открываю кухонный шкафчик и достаю бутылочку вина.

Какое-то приличное вино. Нам его с Олегом подарили на свадьбу. Мы должны были выпить его только в следующем году, когда бы отмечали оловянную свадьбу. Я его так берегла! Бутылочка пережила наш переезд. А вот измены не переживёт.

Не сомневаясь ни секунды, я ввинчиваю в пробку штопор.

Опираясь о подоконник и практически залпом осушаю первый бокал. Голодный желудок отвечает болезненным спазмом. Но мне плевать. Лишь бы не болело сердце.

Оно болит, только я опять не позволяю себе об этом думать.

Раз за разом я повторяю себе, что Олег того не стоит! Он предатель! Он монстр! Он тварь!

Похотливый кобель! Пёс шелудивый! Потаскун!

Прохаживаюсь по кухне и понимаю, что меня отпускает.

Чем больше я злюсь на Олега, тем меньше я чувствую боль. Прекрасно! Значит, самое время, перебрать наш шкаф.

На пол и кровать летят его трусы и рубашки, носки и брюки, джемпера и джинсы... пока откуда-то из недр его вещей

мне в руки не выпадает ключ от иномарки.

У нас с Олегом Веста. И это совершенно точно ключ не от неё.

Я разглядываю брелок со всех сторон. Эмблема мне незнакома. Но теперь я точно знаю, от чьей машины эти ключи.

Каким же уверенным в себе гадом надо быть, чтобы притащить домой эти ключи и бросить где-то на полке?! Я могу только поражаться Олегу вновь и вновь!

А если он бросил здесь ключи, значит, для суда я смогу найти и ещё кое-что интересное.

Достаю из тумбочки ножницы и без раздумий втыкаю их в замочную скважину выдвижного ящика нового компьютерного стола. У нас никогда не было проблем с доверием друг к другу, поэтому появление запираемого ящика в нашей квартире меня не смутило. А зря!

После недолгих попыток ящик сдаётся.

Вынимаю стопку документов и вчитываюсь в ровные строчки на белых листах. Чем больше я успеваю прочесть, тем хуже мне становится.

Ну ты, Олежа, и кретин!

***

Дорогие читатели, приглашаю вас в новинку Чарли Ви!

БЫВШИЕ.РЕАНИМАЦИЯ ЧУВСТВ ЗАПРЕЩЕНА

https://litnet.com/shrt/e-OW

Глава 13

И дело даже не в том, что в ящике в отдельной папке лежит полный комплект ксерокопий всех документов на Глорию. Хотя это тоже полный писец!

Олег был так уверен в себе и своих личных границах, что спокойно хранил дома такие документы!

Полной неожиданностью для меня стала крохотная справка из МВД, напечатанная на простом клочке белой офисной бумаги с красной печатью.

Справка о прописке. ОН ПРОПИСАЛ ГЛОРИЮ У НАС!

Внебрачная тайная дочь моего мужа была прописана со мной на наших совместно нажитых квадратных метрах!

Господи, это какой-то сюр!

Конечно, речь шла не об этой квартире в крохотном райцентре. Эта была служебная квартира, и права на неё мы не имели.

В Подмосковье нас ждала уютная двушка, любовно мной обставленная.

Когда мы с Олегом ездили на конференции в Москву, то всегда останавливались у себя. Ипотеку за неё мы погасили досрочно. Чем я очень гордилась. Да, было непросто. Но помогли родители мои и Олега, к моему огромному сожалению, умерла моя старенькая прабабушка и оставила свою небольшую квартиру мне. Мы её продали и погасили оста-

ток по ипотеке.

Так получилось, что когда мы покупали квартиру, Олег уже работал, а я ещё продолжала учиться. И кроме стипендии в шесть тысяч рублей у меня ничего не было. Поэтому квартиру и ипотеку мы оформляли на Олега. И вот теперь он без моего ведома прописал в ней дочь. Шикарно!

Злость закипает внутри.

Я с остервенением и яростью выворачиваю весь ящик, но больше не могу найти ничего интересного.

Поэтому перехожу к компьютеру. Запускаю его и лезу туда, куда вообще никогда не лазила — в личную почту мужа. Этим я открываю портал в свой личный ад.

На меня пачками вываливаются сообщения от Джесики: любовные, игривые, капризные, истеричные, с сотней фотографий дочери, новой машины и дома.

Ох ты ж! Не думала, что мне будет так больно!

И хуже всего не то, что муж скрывал от меня всё это больше пяти лет. Хуже всего. Что он активно участвовал в жизни Джесики и дочери. Он дарил им подарки, проводил с ними время, возил на турбазы, оплачивал отпуска. При этом по полной компенсировал деньгами своё отсутствие.

Вопрос, откуда у Олега столько денег? Мы не миллионеры! И зарплаты у нас, пускай и средние по региону, но не огромные. Ну нельзя купить дом любовнице, получая сто с небольшим рублей в месяц. И в ипотеку он купить его не мог без моего нотариального разрешения — такие правила. Так

как Олег всё это провернул?

А домик я должна сказать приличный: небольшой двухэтажный сруб из клеёного бруса с уютной террасой, небольшой баней и спуском к озеру.

Да я о таком и мечтать не могла. Вся территория обтянута гирляндами и весело светится в темноте. Мангал, плетённая уличная мебель из ротанга, садовые качели и дом для девочки на дереве. Настоящая мечта.

Открываю все новые и новые сообщения, пока не нахожу переписку с фирмой по продаже и строительству домов под ключ. Всё это великолепие вместе с участком обошлось Олегу в пять миллионов рублей.

Не супер дорого, НО он оплатил наличкой! Откуда у Олега взялось пять миллионов?

Чего я не знала о муже?

И финальный удар! Он не купил этот дом! Он СТРОИЛ его для своей семьи! Купил участок ещё до ковида, тщательно искал фирму, вместе с Джесикой выбирал проект, одобрял смену.

Мой муж вёл двойную жизнь, а я не подозревала. Никогда у меня не было сомнений по поводу нас!

И в этот момент, когда истерика подкатывает к самому горлу. Ещё один вдох и я завою белугой, вдруг резко, как по щелчку пальцев я запрещаю себе рыдать.

Я не нужна Олегу уже давно. Он долго и хладнокровно строил свой тыл за моей спиной. Он выбрал участок для сво-

ей семьи в небольшом посёлке в каких-то двадцати пяти километрах от нашей ЦРБ. В конце концов, он перевёз туда семью. Не думал же он, что всё может оставаться по-старому, а любовница и жена никогда не встретятся?!

Мой муж просто недостоин моих слёз и истерик. Всё, что было, он перечеркнул, растоптал и вытер об это ноги. А теперь и мне стоит поступить с ним так же.

Растоптать, разделить «совместно нажитое» и выкинуть изменщика на мороз, желательно без трусов.

Поэтому я долго и методично сохраняю каждое письмо и каждую фотографию, сканы кассовых чеков и документации на дом на отдельную флешку и плюсом отправляю архив на свою личную и рабочую почту, для надёжности. Доказательства мне понадобятся в суде.

Вздрагиваю, когда в замочной скважине ворочается ключ.

Олег пришёл домой? Он охренел? После всего, что натворил?

Я замираю на месте и жду, что будет. Замок, естественно, не поддаётся. Ведь я закрылась изнутри.

Олег пробует другой замок. Потом замирает по ту сторону двери и всё-таки стучит.

Я зло усмехаюсь и делаю большой глоток белого вина.

По языку, нёбу и дальше по горлу струится прохладный терпкий напиток с привкусом горечи.

Смартфон передо мной начинает светиться. Входящий звонок «Олег».

Не знаю, что меня заставляет поднять трубку.

- Наташа, ты дома? Открой! — требует он.

- Нет! — отрезаю в ответ.

- Что значит «нет»?! Мне не до шуток! Открой, нам надо серьёзно поговорить!

***

Дорогие мои! Приглашаю вас в новую историю от Алены Скиф

«Маша и Медведев. Постельный режим (не) предлагать»

https://litnet.com/shrt/UKDp

Глава 14

- Что значит «нет», Наташа?! Мне не до шуток! Открой!

- Это значит, что ты не можешь войти! Это больше не твой дом! Уходи!

- Послушай себя! Что ты несёшь? А где тогда мой дом? — по голосу слышу, что Олег устал и зол. И раньше я бы бросилась открывать ему дверь, помогать снимать тяжёлое пальто, усадила в его любимое кресло и сварила бы на плите в турке его любимый крепкий кофе.

Но не сегодня. Больше никогда.

- Твой дом? Дай подумать, — щёлкаю мышкой по нужному файлу. - Деревня Рогово, улица Приозёрная, дом номер сто один.

Именно по такому адресу находилось их с Джесикой любовное гнёздышко. Вот пусть и летит отсюда!

- Наташ, какая деревня? - Олег бесится, но вместе с яростью в его голосе мелькает паника. Он понял, что у меня в руках появились факты. Которые, между прочим, он сам мне оставил. Дурак.

- Та самая, Олежа, та самая, давай, не задерживай меня. Меня полно дел!

- Каких дел? — взрывается мой предатель-муж. - Открой эту чёртову дверь, или я её вышибу!

На этом моменте я разве что в голос не смеюсь. Олег у ме-

ня педант, чистоплюй и белоручка. Всё, что сделано в этой квартире и в нашей двушке — сделано заботливыми руками профессионалов за большие деньги. Олег не сделал сам ничего, предпочитая не пачкать руки. Очень сомневаюсь, что он вообще знает, как выносить двери.

Делаю большой глоток вина, смакую его тонкий фруктовый вкус с лёгкой кислинкой.

- Дел? Ну, например, надо собрать документы на развод. Составить точный перечень всего, что нам с тобой надо поделить. Нанять адвоката. Провести расследование и найти всё то, что ты пытался спрятать.

- А? — мне кажется, Олег на том конце воздухом подавился.

- Вот домик нашёлся, машинка, опять же. Жаль, что не красненькая. Ну ничего. Зато новый китаец. Весте-то уже семь лет.

На том конце воцаряется гробовая тишина. Я даже трубку от уха убираю и проверяю, не сорвался ли вызов. Нет, не сорвался.

- Так что, иди, Олеж. Ты там дочке больше нужен, чем мне здесь. А если тебе трусишки нужны, так ты во двор выйди, я тебе скину парочку.

На этом моменте я скидываю вызов и действительно подхватываю с пола ворох трусов и носков, пару каких-то старых рубашек и брюки.

Всё это прямо так, комком выношу на балкон и скидываю

вниз, стоит только показаться Олегу.

Я даже не остаюсь посмотреть, как мой муженёк ползает по изгаженной собаками лужайке и собирает свои труселя. Будет ему урок.

Не стоит пастись на чужих лужайках. Иначе можно вляпаться в дерьмо!

Я залпом допиваю остатки вина и ставлю высокий фужер на столик.

А сама опускаюсь прямо на пол, на разбросанные в беспорядке вещи Олега. И такая на меня накатывает тоска.

Вот ведь козёл! И чего ему не хватало? Тепла? Любви? Нежности?

Да я вся в нём готова была раствориться. Мы с университета были вместе, не расставались. Даже на олимпиады в другие города ездили вместе.

Да я свою специальность в жопу самóй себе засунула, лишь бы у Олега карьера пошла в гору.

Я надеялась. Что в любой момент смогу вернуться в детскую онкологию. К сожалению, это очень востребованная специальность. А вот у Олежки один шанс из ста выбиться «в люди». как он это называл. Он как-то признался мне, что и в медицину пошёл, мечтая руководить большой больницей.

Может, всё дело в ребёнке? Вполне может быть!

Вот только Олег сам не хотел иметь детей. По крайней мере, от меня. Горько усмехаюсь.

От Джесики он дочку захотел.

Невольно начинаю сравнивать себя с этой Джесикой. Почему она? Неужели спокойному и уравновешенному Олегу нравятся тупые хабалки? Нет, я никого не хочу обидеть, но она... Она же реально тупая. И дело не в образовании. А в самой натуре. Она не стремится к саморазвитию, к культуре, к дочери. Я вообще никогда не понимала, что мужчины находят в таких, как эта Джесика? И почему уходят к ним?

У моих ног снова звонит телефон.

Я подхватываю его и принимаю вызов не глядя.

- Нет! — рычу я яростно. - Я не открою дверь. Иди в жопу!

Сначала трубка напряжённо молчит, а потом... о-о-о-о...

Потом она отвечает голосом нового начмеда.

- И вам добрый вечер, Наталья Петровна. И как вы верно заметили, я уже в жопе. Так что приглашаю вас составить мне компанию в этом увлекательном приключении.

- Простите...

- Не прощу, — отвечает максим Андреевич жёстче. - Мне сейчас позвонила главная медсестра. В детской хирургии и детской соматике нет дежурных врачей. Не ЦРБ, а бедлам какой-то. Так что собирайтесь, поедем с вами затыкать эти дыры.

- Но почему я? — вырывается у меня. Сама не знаю почему. Я, вообще-то, всегда готова помочь.

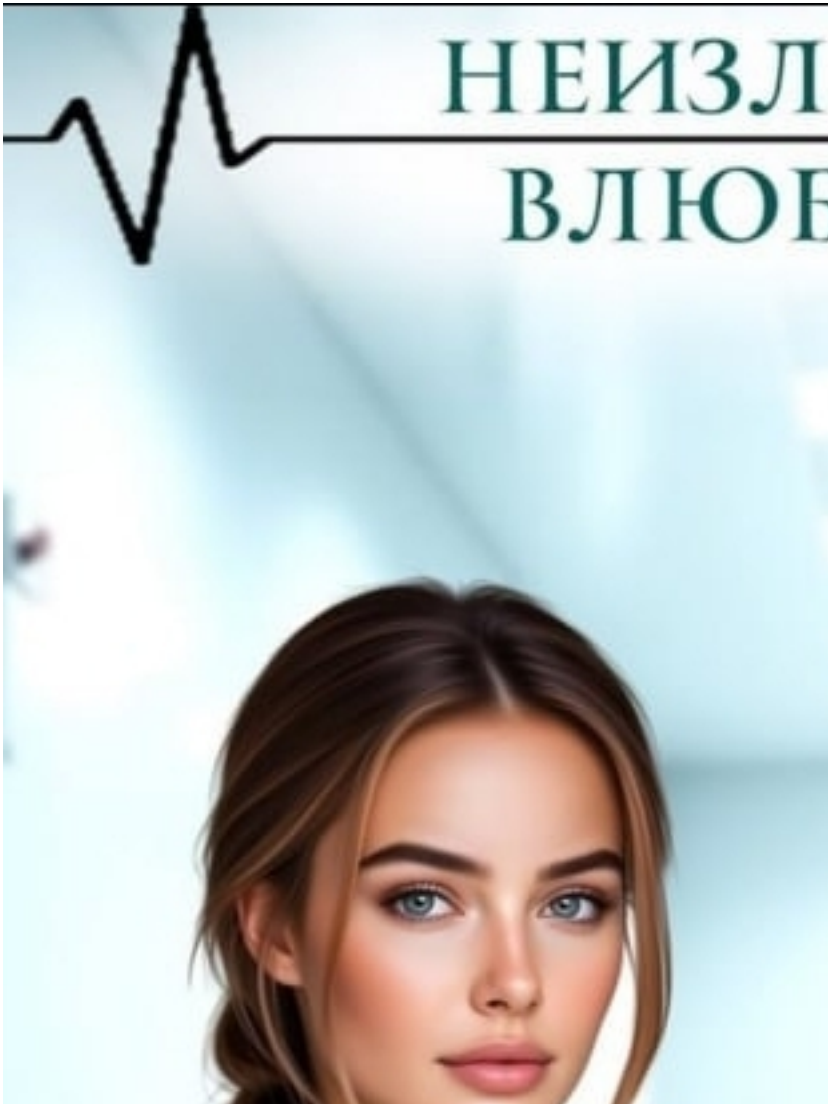
- Потому что вы по совместительству новая заведующая соматикой и потому что я так решил. Собирайтесь. Буду у вашего дома через пятнадцать минут.

***

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку Ники Лето и Алёны Амурской

“ХИРУРГ. ХРОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ”

https://litnet.com/shrt/_144

НЕИЗЛ
ВЛЮБ

Глава 15

Начмед отключается, а я подскакиваю, как ошпаренная.

Ошалевшим взглядом осматриваю устроенный беспорядок и начинаю паниковать.

Как я уйду? Тогда Олег легко придёт сюда, пока меня не будет.

Как я буду выгонять в таком случае?

Так, Наташа, спокойно! Подношу фужер к губам и тут же брезгливо отбрасываю его в сторону.

Твою мать! Я же уже и вина выпила.

Кошусь на бутылку у своих ног. Вина осталось чуть больше половины. Твою мать! От меня ещё и запах будет!

Чудесно!

Ладно! Соберись, Наташ!

Срываюсь с места. Забегаю на кухню и обвожу взглядом пространство, открываю шкафы и холодильник в поисках быстрого средства снять градус.

Как назло на ум ничего не приходит, пока на глаза не попадается сало.

Настоящее солёное сало с чесночком и специями. С красными прослойками мяса.

То, что надо! Чем жирнее пища, тем медленнее будет всасываться алкоголь. Кажется так. От расстройства и паники я всю физиологию напрочь забыла.

В любом случае хуже не будет.

К тому же я с утра ничего не ела.

Нарезаю сало тонкими брусочками, следом режу чёрный хлеб. Отлично. Отправляю всё это в рот и несусь в душ. Холодная вода смывает с меня остатки хмеля.

Лёгкий макияж, свежие джинсы и водолазка, ещё влажные волосы стягиваю в пучок на затылке, подхватываю в прихожке сумку для дежурств — она у меня всегда собрана.

И выскакиваю на лестничную площадку. Время на исходе. Начмед должен вот-вот приехать.

И лифт, как назло, застрял где-то. Поэтому несусь через две ступеньки вниз и у самой двери врезаюсь в злого и растрёпанного... Олега.

- Наташа? — хмурится он, сжимая меня в руках.

- Пусти, — я резко дёргаюсь, но муж не собирается меня отпускать.

- Ни в коем случае, идём, — рычит он и тянет меня назад в подъезд.

- Куда? Ты совсем уже? Пусти, я сказала! Я опаздываю!

- Куда? — он так удивляется, что ослабляет хватку.

Конечно, куда может опаздывать его удобная жена, если за всё время, что мы здесь живём, я без Олега и не выбиралась никуда? У меня в этом городке кроме Иры и подруг-то нет. Но у неё муж и дети, она редко когда может позволить себе вечером просто посидеть и попить вина.

И Олег прекрасно знает, что в будний день вечером я

обычно никуда не хожу. Кроме дежурств. Но о том, что сегодня дежурить снова выпало мне, он точно не знает.

- Это больше не твоё дело, — рявкаю я и хватаюсь за ручку подъездной двери.

- Что значит не моё? Наташ! - Олег выбегает за мной следом.

- То и значит, — шиплю ему, когда он меня догоняет. - Ты больше для меня никто. Отчитываться я перед тобой не собираюсь.

- Наташа, — яростно рычит Олег, перехватывая меня за локоть и разворачивая к себе. - Я твой муж. И ты будешь передо мной отчитываться! Я не понял этого перформанса с моей одеждой и твоих бредней про развод. Ты что пила?

Он наклоняется ко мне и принюхивается. В его светло-серых глазах горит искренняя ярость и непонимание. Оказывается, Олег у меня прекрасный актёр. Ну как натурально играет.

- Олег, — у меня нет ни сил, ни желания с ним спорить. Поэтому я выдыхаю устало и обречённо. - Я видела документы на Глорию в твоём ящике стола. И знаю, что ты «чужую» девочку от скандальной мамы прописал в нашей квартире. Надеюсь, не станешь мне говорить, что так решил сгладить конфликт с ней. Потому что это уже не смешно, Олег. Это пиздец, как серьёзно.

От очередного шока Олег замирает и просто хлопает глазами. По его бегающим глазам я понимаю, что он ищет за-

цепку, чтобы выкрутиться. Но её просто нет и быть не может! Он прокололся.

- Ты лазила по моим вещам? Наташа, я этого от тебя не ожидал! — по щелчку пальцев Олег выходит из себя. Он уже почти кричит. - Ты в своём уме?! А как же личное пространство? Доверие?

В этот момент за моей спиной раздаётся протяжный сигнал клаксона.

Я резко разворачиваюсь к останавливающейся передо мной тонированной иномарке, распахиваю дверь и плюхаюсь на переднее сиденье. Отчаянно молюсь, чтобы это был Максим Андреевич. А Олегу бросаю:

- Иди в жопу, Олег, вместе со своим пространством и доверием. Ты меня обманул и предал, а пытаешься перевести стрелки. Для меня ты больше не муж и не мужик!

***

Дорогие мои! Встречайте новый роман от Лии Латте *"Укрощение строптивого доктора"*

https://litnet.com/shrt/r9bX

НЕИЗЛ
ВЛЮБ

Глава 16

- Хорошо сказано. Сильно, — усмехается Максим Андреевич и срывается с места, даже не включив поворотник.

Новенькая иномарка ревёт как дикий зверь и уверенно вклинивается в поток машин.

А я на таком взводе, что едва успеваю прикусить язык, чтобы и начмеда не отбрить.

- Тоже хотите? — не совсем к месту язвлю я. Всё-таки ярость и злость на бывшего мужа ещё бурлит в крови.

Умом я понимаю, что начмед ни при чём. Но эмоции, что с ними поделаешь?!

- Не, спасибо, обойдусь, — он снова хмыкает и бросает на меня короткий взгляд.

Я же с трудом перекидываю сумку на заднее сиденье, пристёгиваюсь и по привычке на нервяке собираюсь взъерошить волосы. Вот только у меня на макушке пучок, который тут же рассыпается, освобождая влажные пряди.

- Твою мать! — рычу я и наклоняюсь на упавшей на пол заколкой.

- Сегодня не ваш день, я смотрю.

- Вы даже не представляете насколько.

- Почему же? Очень даже представляю. Муж вам не просто изменил, а подло обманывал больше пяти лет, скрывая ребёнка от другой женщины и само наличие этой женщины.

Судя по всему, правда вскрылась именно сегодня.

Я только шумно выдыхаю через едва приоткрытые губы.

Если новый начмед уже в курсе, но про других я молчу!

- Вы сейчас на какой стадии? Гнев или торг с самóй собой?

- Что? — я даже не сразу понимаю, о чём он.

- Вы же знаете о пяти стадиях принятия: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие?

- Возможно, — пожимаю плечами. - И что?

- Отрицание вы уже явно проскочили. Судя по вашему замечанию, брошенному мужу, принятием тоже пока не пахнет. Признаков депрессии я у вас не вижу. Остаётся гнев или торг. Вы уже готовы простить мужа и пустить его назад?

- Что? — меня даже разворачивает к начмеду.

- Значит, ещё гнев.

- Никакой это не гнев. Это рациональное мышление! И чтобы вы знали, никакого прощения не будет! Как и депрессии. И принятие здесь только одно - развод! После этого лично я собираюсь двигаться вперёд. Так что, скорее всего, я уже на пятой стадии.

- Ага, — хмыкает начмед. - А труселя вашего мужа с балкона летели тоже от силы вашего принятия и скорости движения вперёд? Мне просто интересно!

- Вы видели? — мои глаза округляются.

- Я как раз подъехал, когда ваш благоверный бегал их собирал по лужайке и стряхивал с них собачье дерьмецо.

От представленной картины мне становится дико смешно.

Мой щёголь-муж ползает на корточках и собирает свои трусы и носки по лужайке, которые валяются среди россыпи бычков и фекалий.

А как Олежа стряхивает со своих вещей говно я даже представить не могу. Потому что Олег ну очень бризгливый. Он и хирургию не пошёл поэтому. Вид гнойной раны мог вызвать у него непросто тошноту, но и рвоту.

Представляю вытянувшееся бледное лицо Олега и брезгливо трясущиеся холеные руки с маникюром, как начинаю смеяться в голос.

Это действительно забавно.

Не успеваю отследить момент, когда начмед паркуется на стоянке перед ЦРБ, глушит движок, отстёгивается и поворачивается ко мне.

Я же так заливисто смеюсь, что замечаю, как он наклоняется ко мне, уже поздно.

Смех резко обрывается, оставляя нас в напряжённой тишине.

- Что вы делаете? — шепчу, когда лицо Максима Андреевича замирает от меня всего в каких-то сантиметрах.

Сердце моментально срывается с ритма. Напряжение разливается вокруг и собирается искрить от малейшего щелчка.

В глубине его ярко-синих глаз вспыхивает что-то очень опасное и странно манящее.

Я судорожно сглатываю.

Его зрачок вспыхивает, поглощая радужку. Крылья носа

подрагивают, словно он не может надышаться со мной одним воздухом.

Время замедляется...

- Вы что выпили, Наталья Петровна? — он опасно щурит свои необыкновенные глаза.

- Бляха-муха, — шепчу одними губами.

- И закусывали чесноком? Ммм, с мясом... возможно, я в вас не ошибся!

***

Дорогие мои! У Эльзы Манаровой вышла новинка Бывший. Незалеченные раны

https://litnet.com/shrt/_RgG

Глава 17

Выскакиваю из машины, заливаясь краской стыда.

Мало того, унюхал вино, так ещё и запах солёного сала с чесноком распознал!

Твою мать! Хватаюсь за ручку задней дверцы. Но почему-то не могу открыть её с первой попытки. Дёргаю снова и снова, нервничая всё больше.

- Да что такое? — начинаю злиться на себя и на начмеда.

- Наталья Петровна, — сверху на мою руку ложится ладонь Максима Андреевича. - С машиной, как с мужчиной, нужно лаской и добрым словом.

Он через мою руку надавливает на ручку, и дверца с тихим приятным щелчком распахивается.

Я дёргаюсь от начмеда, как от проказы. Хватаю свою сумку и бросаюсь прочь.

Иначе в таком состоянии я точно скажу ему пару «ласковых» слов.

Но вместо ожидаемого возмущения или хотя бы недоумения мне вслед летит раскатистый смех.

Вот ведь гад какой! Ещё и смеётся!

Я залетаю в центральный вход, на ходу здороваюсь с охранником и, спрятав лицо в объёмном платке почти до глаз, бегу в свой старый кабинет в поликлинике.

Я всегда в нём переодеваюсь и только потом иду в стаци-

онар. Сегодня почему-то решаю не нарушать традицию.

Очень зря.

Прямо на меня выскакивает заведующая педиатрическим отделением педиатрии. Уже немолодая и не очень умная женщина. Я всегда не могла понять, за что её держат и как Олег мог с ней вообще работать.

Мне, например, всегда с ней было сложно. Она ставит невыполнимые задачи, задирает планы по флюорографии и прививкам и снимает за их невыполнение процент с зарплаты. Все штрафы по ОМС она тоже вешает только на врачей. И неважно, что ФОМС влепил штраф за отсутствие у маленького пациента обследования, которое наша ЦРБ просто не делает! Ей плевать. Есть штраф — он должен быть оплачен. Так же как жалоба. По её мнению, виноват всегда лечащий врач. Независимо от сути самой жалобы.

- Наталья Петровна, — она перегораживает собой коридор и упирает руки в бока. — это ещё что такое?

От неожиданности я даже оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что же у нас всё-таки «такое».

- Почему я последняя узнаю, что вы уходите? А участок? Кто будет ходить на вызова? А план по вакцинации от кори? Вам что, совершенно плевать? — всё это она произносит не просто с претензией, но и со злостью. Словно я своим переводом оскорбила её лично.

А я вообще никуда не собиралась до сегодняшнего обеда. И перевестись было не моей идее.

- Ольга Анатольевна, — я пытаюсь протиснуться мимо неё. - Извините, но я на дежурство опаздываю. Галина Константиновна свалилась с кризом...

- Да, я слышала, — недобро щурится она и отходит, пропуская меня вперёд. - Говорят, ты её подсидела. А с виду такая милая, воспитанная. А оно вон как вышло...

- Что? — меня разворачивает. - Что вы сказали?

- А что? — она хлопает жабьими глазами навыкате. - Правда глаза колет. Ну раз больше никто не решился тебе в лицо сказать, так я скажу. И правильно, что от тебя муж ушёл! С такими жить, себя не уважать.

Я даже не нахожу что ответить.

Кровь приливает к щекам, а в носу больно покалывает и шипит от накатывающих слёз.

Да что же это такое?

- Галину Константиновну подсидела. Мало тебе денег? Или власти захотелось? Конечно, у неё давление лупануло от такой новости. Хорошо, что не инфаркт или инсульт! — заведующая надвигается на меня, вытянув указательный палец. - Я сразу поняла, что ты скользкая! Как только пришла...

- Простите, Ольга Анатольевна, но ваш бред я слушать не буду. Имею право! — я вставляю ключ в замок своего кабинета, резко его проворачиваю и залетаю внутрь. А после с грохотом захлопываю дверь, запираю её и наваливаюсь на неё спиной.

Меня всю трясёт. За что мне это?

Я никогда не считала Ольгу Анатальевну приятной женщиной, но нам удавалось как-то сосуществовать. Меня не касались её сплетни, я не доставляла ей проблем с пациентами. А что это было сейчас? Неужели, новость о разводе с Олегом развязала ей язык. Не может быть!

Какой кошмар.

Я медленно сползаю по двери вниз. Прижимаю к себе сумку и всхлипываю. Только бы не разревётся. Не из-за этой склочной бабы. Господи, я даже из-за Олега не ревела, а тут...

За дверью раздаются визги заведующей, топот ног и удары по злополучной двери.

Но я уже погружаюсь в странное оцепинение. Руки опускаются, и сумка вываливается на пол. А я просто сижу и смотрю вперёд невидящим взглядом.

Я даже не сразу понимаю, что дверь всё-таки открывается. Кто-то сильный отодвигает её вместе со мной. Потом этот же человек хватает меня за плечи и вздёргивает вверх, поднимает, заглядывает в лицо, что-то спрашивает. Уговаривает, спрашивает и, не получив ответа, злится.

Я чувствую его напряжение и ярость. Вот только они направлены не на меня. А на кого? Не знаю. И голова болит...

***

Дорогие мои! Приглашаю вас в новинку от Виктории Альмонд

«Пульс разбитого сердца»

https://litnet.com/shrt/cc24

– Вы не подходите, – Неонов даже не смотрит в мое резюме, лениво крутит в пальцах дорогую ручку. – Мне в штате нужны бойцы, а не брошенные жены с разбитым сердцем.

– Мое сердце – это моя проблема, – отвечаю, сжимая кулаки под столом. – А ваши пациенты – моя работа. Вы дадите мне этот шанс.

– Месяц, – он поднимает на меня тяжелый, пронизывающий взгляд. – Ошибетесь хоть раз – вылетите с волчьим билетом. Поняли меня... Людмила?

***

Развод, новая жизнь и... новые проблемы.

Руслан Неонов – высокомерный красавчик, главный врач элитной сети клиник «Нео-Медс» и мой новый босс. Он – моя главная головная боль и единственная надежда вытащить отца из кредитной ямы.

Неонов думает, что я – слабая женщина, которая сломается под его напором? Он ошибается.

Я выстояла после предательства мужа. Выстою и против тебя, Неонов.\

https://litnet.com/shrt/dTuk

Глава 18

Я слабо понимаю, что происходит вокруг меня.

Кто-то бегает, кричит, на кого-то кричат. Возможно, на меня. Но мне плевать.

Я просто превращаюсь в амёбу. У меня нет больше ни рук, ни ног. А есть огромное желание слиться с местностью и не отсвечивать. И чтобы меня никто не трогал.

По телу и по мозгам растекается ленивое безразличие.

Мне ничего больше не надо. Мне некуда стремиться. Мне не за кем ухаживать, мне некого любить.

Я осталась одна.

Да, у меня есть родители. Но это другое...

А ещё я вдруг понимаю, что все эти годы была слепа и глуха. Если Олег даже толком не прятал документы на дочь, то, скорее всего, были и другие звоночки. Просто не видела, потому что любила и доверяла. Потому что мне и так было хорошо, удобно.

Я никогда, даже в самом страшном сне не могла представить, что муж мне изменит...

А теперь все вокруг знают об этом. Надо уйти, уволиться, чтобы...

А что? Что я буду делать потом?

Разве это гарантирует то, что исчезнет внутренняя пустота и мерзкое чувство предательства?

Точно нет.

Тогда зачем? А зачем мне здесь оставаться? Чтобы слышать вот такие сплетни за спиной или грязь прямо в лицо, как бросила мне Ольга Анатольевна?

Не знаю. Пустая голова всё равно болит.

И гудит.

И...

Я взвизгиваю от неожиданности, когда откуда-то сверху на меня льются капли ледяной воды.

- Что вы творите? — успеваю выкрикнуть я перед тем, как горло сжимает спазм от шока.

Я оказываюсь в санитарной комнате, в душевом поддоне. Начмед крепко удерживает меня на месте. Прямо в одежде. И включает на полную холодную воду.

Уже через минуту вещи на мне промокают насквозь.

Ледяная вода стекает с рассыпавшихся по плечам волос, затекает за шиворот, выливается из джинсовых штанин.

Я дёргаюсь, но он не выпускает.

Смотрит строго и требовательно.

- Вы сдурели? — пытаюсь вырваться. Холодно.

- Я? Нет! А вот вы впали в ступор.

- Ну и что? Это же не повод...

- Повод! — чеканит начмед. Выключает воду и тянется к краю моей водолазки.

- Что вы делаете? — дрожащими руками я перехватываю его ладонь.

- Вас надо растереть и переодеть в сухое, чтобы вы не замёрзли, — не моргнув глазом чеканит он, отводя мою руку в сторону, и тянет водолазку вверх.

- Я уже замёрзла! — бью его по руке.

- Ну вот, — говорит он с осуждением и вынимает меня из душа, ставит на кафельный пол, который я щедро заливаю холодной водой. - Так и заболеть недолго!

Тело моментально сковывает от холода и дрожи, зубы начинают стучать. Но это не главное.

Главное, это то, что этот несносный человек делает вид, что к происходящему он не имеет никакого отношения.

- Так это вы меня окатили! — пищу возмущённо и фыркаю. Обиженно. Как котёнок.

По крайней мере, сама себе такой кажусь: маленькой, мокрой, жалкой, со спутанными волосами и огромными жалостливыми глазами.

И смешно, и грустно. Но сейчас мне не до смеха. Меня трясёт не только от холода, но и от злости!

- Что вы себе позволяете?

Не обращая на меня внимания, Максим Андреевич стягивает с вешалки огромную простыню и закутывает меня в неё. Только нос и торчит наружу.

Я яростно сопротивляюсь. Пытаюсь выпутаться, но начмед крепко стягивает концы простыни, а после начинает....

Нет, ну это ни в какие ворота!

Он начинает меня растирать своими огромными ладоня-

ми прямо через простыню. Прихлопывает по плечам и быстро разгоняет застоявшеюся кровь, требовательно проходится вдоль спины, перескакивает на грудь.

Ну это уже перебор!

Я моментально вспыхиваю от ярости и смущения. А ещё от странного жара, что разлился внутри от таких наглых прикосновений!

- Да кто вы такой, чтобы так себя вести?! - я всё-таки кое-как выпутываюсь из простыни.

- Я? — он насмешливо изгибает бровь. - Всего лишь ваш начальник. И если вы забыли, то именно я отвечаю за ваше здоровье и трудоспособность на рабочем месте.

Он вскидывает руку, сверяется с часами и произносит.

- А прямо сейчас вы уже числитесь на рабочем месте! Ваше дежурство началось только что!

- Как началось, так и закончится, — рычу, заикаясь от холода. - Я ухожу. Можете меня уволить, мне плевать!

- Не плевать! - Максим Андреевич ловит меня за локоть и заставляет развернуться к нему.

Я бы хотела скинуть его ладонь, но не могу. Она такая горячая. А мне так не хватает тепла.

- Если бы вам было плевать, Наталья Петровна, вы бы сейчас сидели дома и продолжали себя жалеть под бутылочку вина. Или это был коньяк? За нотками чеснока я не разобрал...

- Вы невыносимы! — вырываю свою руку. - И вы совер-

шенно ничего обо мне не знаете!

- Возможно, — он молниеносно оказывается непозволительно близко. Его взгляд из насмешливого становится сосредоточенным, серьёзным, с каким-то странным внутренним блеском и необузданной силой. - Но я сделаю всё, чтобы не дать вам скатиться в депрессию.

Глава 19

- Я... — я задыхаюсь от возмущения и щемящей в душе тоски. - Вы ничего обо мне не знаете! Вы не знаете, какого это...

- Да? — в его ярко-синих, необыкновенных глазах зажигается небывалый огонь. Я бы даже сказала, что это похоже на вызов. - Думаете, ты одна знаешь, какого это, когда смотришь на пустующую постель рядом с собой, и в голове крутится «она задерживается на работе», «она на дне рождения у подруги», «она заехала на ужин в кафе», «всё ерунда, не накручивай себя, у вас любовь и это навсегда»?

Его ладони на моих плечах сжимаются и обжигают через мокрую простыню и водолазку.

А я смотрю на начмеда и не понимаю, о чём он.

- Думаешь, я никогда не думал: «всё фигня, со мной не может этого произойти. С кем угодно, но только не со мной»? А когда понимаешь, что может, хватаешь свои вещи, выгребаешь всё до последних трусов и заталкиваешь в сумку. А после уже на пороге «случайно» сталкиваешь на пол её любимую вазу. Да так, чтобы она неприметно разбилась. Может, это причинит ей боль? Может, это поможет ей осознать, что она натворила? Может, она почувствует силу моей внутренней боли и разочарования? Но нет. Ей всё равно. А вот тебе наоборот.

Я хватаю дрожащими губами воздух.

- Гнев тебя выматывает. А потом он сменяется отчаянием, которое принимает форму сделки с самим собой. Ты решаешь, что станешь идеальным ради того, чтобы вернуть всё как было. Пишешь в ночи десятки сообщений, которые никогда не будут отправлены. Каждый день, каждую ночь, каждую минуту ты перебираешь воспоминания, пытаюсь найти ту точку, где всё пошло не так. Но скорее всего, не находишь. Потому что не ты причина чужого предательства.

- Не надо, — слёзы всё-таки срываются с моих ресниц. Я хочу уйти, сбежать. Я не хочу больше это слушать.

Потому что это слишком сильно похоже на правду.

- Надо! — рычит начмед, крепче сжимая меня в руках. - Торг с самим собой заканчивается быстро, потому что ты понимаешь — сделки не будет. Он ушёл. Он выбрал. И наступает самая долгая, самая пугающая фаза. Ты больше не плачешь, не просишь у вселенной всё вернуть назад. Ты просто существуешь. Квартира кажется огромной и пустой. Каждый предмет в ней напоминает о его присутствии, и эта память больше не вызывает приступ ярости, как раньше, а ложится свинцовой тяжестью на плечи. Ты не можешь есть, не можешь спать. Смотришь в зеркало и не узнаешь себя — осунувшееся лицо, потухшие глаза.

- Зачем вы всё это мне говорите? — я больше не дёргаюсь. И даже не дрожу. Огромными глазами я смотрю на начмеда и ловлю каждое его слово, наполненное особым смыслом и

болью. Его болью. Его смыслом. Так может говорить только тот, кто всё это пережил.

- Потому что только что, ты чуть не скатилась в эту чёрную безнадёгу. В тот омут, из которого потом очень сложно вырваться. Поверь, я знаю, о чём говорю.

- Я сильная девочка, — пытаюсь бравировать. Неудачно. Потому что сильной я не выгляжу ни с каких сторон.

И это, наконец, разряжает обстановку. Максим Андреевич, вздрагивает, его холодный яростный синий взгляд теплеет, уголки чувственных губ подрагивают и ползут вверх.

Он усмехается и смеряет меня странным, нечитаемым взглядом.

- Сильная, — согласно кивает он. - Но сейчас нам всё равно нужно тебя, Наталья, Петровна, переодеть!

- Мы уже на «ты»? - неуместно шучу я, пытаясь скрыть своё смущение.

- Ну после того, что между нами только что было, глупо было бы «выкать»...

Стоит Максиму Андреевчиву договорить свою фразу, как за его спиной с грохотом падает половое ведро, разливая по душевой грязную воду.

Руки санитарочки Зины, неожиданно ворвавшейся к нам, дрожат от нетерпения разнести такую замечательную сплетню по всей больнице.

Иванова переспала с новым начмедом в душевой!

Писец! Иначе не скажешь!

***

Дорогие мои! вы читатет роман литмоба "Неизлечимо влюблены"

https://litnet.com/shrt/HlJw

НЕИЗЛ
ВЛЮ

Глава 20

Начмед ещё крепче сжимает простыню у моего горла, растирает плечи и рычит санитарочке Зине.

- В мой кабинет, живо!

- Ой! — приседает она. - Я же только...

- Живо! — рычит начмед. - А вы, Наталья Петровна, потрудитесь переодеться в сухое.

Я молча киваю и огромными глазами наблюдаю, как Максим Андреевич практически выталкивает из душевой санитарку и прикрывает за собой дверь.

Я медленно выдыхаю.

Что это было?

Я сто реально чуть было не плюнула на всё из-за Олега? Чуть было не замкнулась в себе?

Внутри неожиданно поднимается такая злость, что я скриплю зубами.

Вот урод!

Хрен ему по всей морде!

Как говорит одна моя знакомая «залупу ему на воротник!» Грубо? Согласна! Но с такими иначе нельзя.

Мой муж не просто предал меня. Он пять лет вытирал об меня ноги. В прямом смысле. У него не просто был ребёнок на стороне от случайной связи. Он сам выбирал им участок и строил дом. Не своими руками, конечно. Но Олег контро-

лировал каждый этап!

Это уже говорит о многом!

Поэтому мой неверный муж не стоит моих слёз!

Мне стоит просто плюнуть и забыть о нём. А лучше развестись и отсудить половину всего!

Киваю собственным мыслям и выхожу из душевой. Перебежками добираюсь до своего кабинета в поликлинике. Ведь там остались все мои вещи.

Стоит мне только скинуть простынь и стянуть мокрую водолазку, как дверь распахивается, и на пороге застывает Олег.

Да вы шутите, мля!

Злой, всклокоченный Олежа замирает в дверях, обводит мутным взглядом мой старый кабинет, зацепляется за простыню на полу и почему-то за лифчик на мне.

- Значит, это правда? — шипит он ядовито и захлопывает за собой дверь.

- Правда, — киваю я, хотя слабо представляю о чём он.

- Наташа, серьёзно? - Олег надвигается на меня.

А я, наверное, впервые смотрю на него трезвым взглядом. Без обожания. Без пиетета. Без уважения и любви.

И что я вижу?

Я вижу человека с комплексом Наполеона — хренового специалиста, посредственного управленца, полного бытового инвалида, за которого другие писали отчёты, договаривались, вешали картины и вкручивали лампочки в люстры. А

лавры всегда собирал ОН.

Смотрю и восхищаюсь в каком-то смысле. Это надо же так уметь организовать работу, чтобы работали другие, а лавры получал он!

- Как видишь, мне не смешно, — я торопливо натягиваю на себя сухую футболку и складываю руки на груди.

- Смешно? Ты решила разрушить наш брак, выставить меня идиотом, устроить публичный скандал и переспать с новым начмедом из-за мести?

Меня обжигает его холодный тон. Я вижу по глазам Олега, что он в бешенстве. Именно в бешенстве!

Не разъярён, не расстроен, не в панике. А в бешенстве.

Из-за мести. Хорошее выражение. Вот только оно в корне неверное.

- Месть? С чего это вдруг? — хмурюсь я.

- Ну как? — рычит Олег. - Придумала себе измену и решила отомстить. Также поступают недалёкие жёны. Ты этому в инсте научилась? Или где там... — он отмахивается от меня, как от мухи.

А я свирепею. Зря ты так, Олежа!

- Придумала измену? Ты серьёзно? А дочка твоя — это плод моего больного воображения, так что ли, Иванов?

- Не передёргивай, — обрывает он меня зло.

- Не собиралась! Я говорю по факту! У тебя ребёнок от другой! Ребёнку пять лет. А ты покупаешь её матери машину и дом. Это нормально, ты считаешь?

- Да, — кивает Олег. - Я обеспечиваю своему ребёнку достойный уровень жизни. Ты бы никогда ни о чём не узнала...

- Олег, очнись! Ты бредишь! Я бы узнала. Не сейчас так через полгода или через год! Ты не смог бы скрывать от меня всё это дольше!

- Пять лет же мог и дальше бы смог! — рявкает он. - А ты что устроила?! Что это за показательная порка? Где твоя мудрость? Нормальная баба должна быть умной, прозорливой! Тебе надо было налаживать контакт с моей дочерью, а не ругаться с её матерью. Я такого от тебя не ожидал, Наташ.

Внутри меня закипает раздражение и обида. Не ожидал он, скотина.

- Олежа, знаешь что, в жопу иди со своими ожиданиями. Ты трахаешь эту накачанную куклу и за наш семейный счёт обеспечиваешь свою дочь, а я должна этому радоваться?

- Конечно, ты же не смогла мне родить...

Его слова больно бьют под дых. Я ведь так хотела ребёнка. Всё время нашего брака я надеялась родить. Сначала у меня не получалось, а когда я заговорила с Олегом про обследования, он сказал, что нам рано и стоит предохраняться. Потому что планирование семьи — это важно.

Такой был девиз нашей семьи. Планируем, планируем, а дети потом...

Какой же дурой я была. Любила, верила...

- Скорее не захотела, — отвечаю ядовито. А взгляд Олег становится удивлённым.

- Наташ, хорош, — рявкает Олег. - Мы оба знаем, что ты без меня не сможешь. Давай уже как-то закончим ругаться. Давай, иди и скажи своему новому другу, что погорячилась и остаёшься в поликлинике. Я даже закрою глаза на то, что между вами было. С кем не бывает...

- Олег, ты себя слышишь? Ты предлагаешь мне жить с тобой? Этому не бывать! И так спокойно говоришь об измене?

- Ой, ну потрахалась, чтобы меня задеть. Считай, задела. Давай, одевайся и домой.

- Олег, я повторяю, иди в жопу с такими предложениями! Я хочу развод...

Договорить я не успеваю.

Олег хватает меня за руку и рывком тянет на себя.

- Кажется, ты чего-то недопонимаешь, Наташ. Я не дам тебе развод! Ты была и останешься моей женой. И дочку мою примешь! И рога наставлять себе я не позволю! Оттянулась напоследок? Отлично! Пора становиться снова примерной женой!

***

Дорогие мои!

У меня сегодня вышла новинка "НЕВЕСТА НЕ ТОГО БРАТА!"

Обещаю вам эмоции через край, чувства и немного драмы. Все как мы любим)

https://litnet.com/shrt/Cmqx

Елизавета
НАЙТ

Кажется, что мир рушится, когда в день нашей свадьбы я застаю своего любимого с другой.

И эту боль невозможно не пережить, не вырвать из сердца.

Свадьбы не будет! и плевать, что наш брак не просто желание соединить два "любящих сердца", но еще и выгодный контракт для наших родных.

Простить измену я не смогу!

- Настя, - меня хватает под руку Максим Ковалев - глава огромного концерна и по совместительству старший брат моего несостоявшегося мужа, - ничего страшного не произошло.

- Что? - я резко дергаюсь, но у него крепкая хватка. - Максим, ты себя слышишь? Я застала твоего братца со спущенными штанами на какой-то...

- Настя, - его темные глаза опасно вспыхивают, - сегодняшний день очень важен для всех.

- Я не выйду за Алексея, - всхлипываю я.

- Конечно, нет. Но на кону слишком многое. Поэтому ты

выйдешь за меня! Идем!
https://litnet.com/shrt/Zob5

Глава 21

Его злые слова, извращённая логика его поступков и грубая хватка на моей руке вводят меня в ступор.

Но всего на пару секунд.

А после внутри меня что-то взрывается, ярость огненной волной прокатывается по телу, сердце разгоняет здоровую злость по венам.

Депрессия? Из-за этого дерьма? Нет, мне такое точно не грозит! Спасибо, Олежа, ты с каждым разом делаешь наш разрыв всё проще для меня.

Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох.

- Вот так, — мой недалёкий муж думает, что я подчинилась. - Успокаивайся и домой, тебе ещё мои вещи надо перестирать, отпарить и разложить по местам...

А ведь если бы он в самый первый день упал на колени, всё мне рассказал, повинился, попросил прощения за ложь, я, возможно, и простила бы его.

Правда.

Я знаю себя. Я никогда не умела говорить «нет». особенно Олегу. С самой первой нашей встречи меня поразила его неуёмная энергия, обояние и напор. Я никогда не могла ему отказать. Верила ему и любила.

Поэтому я почти уверена, что если бы Олег задался целью выпросить у меня прощение, он бы его получил.

Но он не задался. Мой муж настолько «объелся ухи», а говоря по-русски «охуел», что даже не удосужился мне что-то объяснить. С самой первой минуты в этой ситуации он пытается меня прогнуть.

Я мысленно проматываю каждый наш разговор, и каждый раз Олег пытается сделать меня виноватой. Хоть в чём-то. Лишь бы соскочить с опасной темы.

Но то, что он несёт сейчас.

Я улыбаюсь.

- Наташ, не вижу ничего смешного.

- Ну как же, — я резко стряхиваю его ладонь и отступаю на шаг назад, — тебе разве не смешно строить из себя великого героя-любовника, главу несуществующей семьи, нагибатора, властного пластелина и вот это вот всё? А?

Серые глаза моего мужа округляются. Во вспыхнувшем зрачке я вижу ярость, но мне плевать.

Я не боюсь Олега. И никогда не боялась.

- Ты думаешь, для меня имеет значение, чего ты там хочешь? Очнись, Олег! Ты бредишь! Это может, твоя Джесика будет бегать перед тобой, задрав хвостик и выставив лапки. А я нет. Не дашь развод? Серьёзно? А кто будет у тебя спрашивать, а? Заявление в мировой суд на развод и отдельное на раздел имущества! Поверь мне, проблем с этим не будет. Детей у нас нет, а факт твоих измен налицо!

Олег белеет, на скулах выступают красные пятна, а губы раздражённо поджимаются.

- Ты не можешь так со мной поступить, — рычит он сдавленно, — сейчас, когда повышение у меня на носу. Ты же знаешь, как я ждал его... нужны семейные, надёжные люди, с хорошей репутацией. Ты просто не можешь устроить скандал, Наташ. Ради мести! Ты не такая. Ты не можешь уничтожить меня.

- Я? Олег, ты сам уничтожил себя, вытер ноги о наш брак, а об меня свою задницу! Какое повышение? Ты не видишь, что тебе уже ничего не светит. Начмеда уже назначили. Уймись. Твой потолок - начальник поликлиники и то авансом, — неожиданно даже для себя я говорю по сути правду.

Олег действительно не вытянет начмед и главврача. Он слишком... не глупый, нет, просто недалёкий. И мелочный. Не скажу, что его сильно любит и уважает коллектив.

- Ты же любишь меня, Наташ, — выражение лица Олега меняется. Серые глаза со стальным оттенком неожиданно теплеют, а губы растягиваются в хитрую улыбку, как у сытого кота.

От такой перемены настроения я напрягаюсь.

- Ты просто не можешь перечеркнуть все эти годы, Наташ, — он делает шаг ко мне. - Я знаю, что ты меня любишь. Всегда любила, с первого курса.

Его голос становится ласкающим, нежным. И если бы я не поняла, какое мой муж дерьмо, сейчас бы обязательно поплыла.

- Ну же, Наташ, давай всё забудем. Я продам дом и маши-

ну Джесики. Мы выделим Глории долю в нашей квартире, и на этом всё... — при этом мой муж улыбается так соблазнительно, словно делает мне бесценный подарок. - Давай начнём всё сначала. Да, МЫ наделали ошибок, но это не повод всё просрать...

Я просто зависаю от такого расклада, а Олег, окрылённый произведённым эффектом, подходит вплотную и...

Твою мать!

Прихожу в себя, когда мой муж пытается обнять меня и поцеловать. Тянет свои слюнявые лживые губы к моему лицу. Даже глаза свои бесстыжие прикрывает, подлец.

Я дёргаюсь, но Олежа, видимо, просчитал все варианты, поэтому успел схватить меня за руки.

Тварь! Убью!

Но сделать я ничего не успеваю, потому что охреневшего в края Олежку сносит от меня неведомой силой.

А следом раздаётся очень злой голос Максима Андреевича.

- Олег Фёдорович, мне кажется, вы берега попутали. Это больше не ваша женщина.

- Не моя? — моргает Олег. - А чья же?

- А если я скажу, что моя?

Глава 22

- Да ты... — шипит мой горе-муж.

- «ВЫ», — поправляет его Максим Андреевич, — мы с ВАМИ не друзья и, могу поспорить, никогда ими уже не станем.

Олег поджимает губы, бешено вращает глазами, переводя взгляд то на взъерошенную меня, то на решительно настроенного начмеда.

Максим Андреевич застывает огромной статуей: широченные плечи обтянуты белым халатом. Мне даже, кажется, одно неверное движение — и ткань затрещит.

Высокий рост, атлетическое телосложение.

Его ладонь всё ещё лежит на плече Олега и сжимает. Скорее всего, до боли.

Потому что Олежа весь съёживается, сутулится и усиленно делает вид, что не пыхтит от боли. Его мятый ещё с самого утра халат висит на нём как на вешалке. Он всегда покупал халаты чуть больше, говорил, что халат должен выглядеть как пиджак, представительно. А по факту, скорее всего, пытался скрыть неидеальную фигуру.

Сейчас разница между мужчинами становится колоссальной. Начмед почти на голову выше Олега, шире в плечах и явно сильнее. И Олег это понимает.

- Вы, — шипит яростно муж, — ещё пожалеете об этом,

товарищ начмед. И ты, Наташа, тоже. Только я уже не приму тебя назад, как бы ты не просила...

Договорить свои мерзости он не успевает, Максим Андреевич ногой распахивает дверь за своей спиной, резко разворачивается прямо с Олегом в руках и вышвыривает моего мужа в коридор.

Именно так! Не выводит, не выталкивает, а вышвыривает. И тот летит к противоположной стене, раскинув руки. Петух, общипанный!

У самой стены на свежевымытом санитаркой Зиной полу Олег поскальзывается, машет руками словно крыльями и падает.

Прямо в ведро с грязной водой. Следом раздаётся характерный плеск и «б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.